

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.С. Смирнов

**Лексинская
безпоповщинская пустынь
в первое время её существования**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1910. № 3. С. 310-333.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Лексинская безполощинская пустынь въ первое время ея существованія *).

IV.

„Статьи“ 1731 года.—„Предѣлъ постницамъ на службахъ“.—Общее заключеніе.—Ивановскій праздникъ.—„Коровій дворъ“ на Выгѣ.

ВСѢ вышеизложенныя «правила» сначала для женскаго отдѣленія Выговскаго общежитія, а потомъ—для Лексинской пустыни были даны въ то время, когда главнымъ настоятелемъ Выговской пустыни былъ извѣстный Андрей Денисовъ. Но мы имѣемъ два подобнаго же рода памятника, относящіеся ко времени настоятельства преемника Андрея—брата его Семена Денисова. Одинъ изъ этихъ памятниковъ имѣетъ дату написанія его—1731 годъ, а въ другомъ есть помѣтка, что памятникъ этотъ писанъ «съ письма Семена Діонисовича». Первый имѣетъ такое надписаніе: «Лѣта отъ мірозданія 7240, декабря въ день, Выгорѣцкія киновиі старцы и совѣщатели, съ братією старѣйшею, общекупно присовѣтованомъ въ постницъ обители, для благочиннаго и вѣщаго поступанія къ пустынному удобренію, симъ сохранятися статьямъ», причемъ слѣдуютъ самыя «статьи», числомъ 13-ть.

1. «Еже всякому имѣнію, обрѣтающемуся у нихъ, си есть: одеждамъ и обуцамъ, покрываломъ, и прочимъ, въ вѣдѣніи своихъ имъ казначеевъ быти, да вся сія казначеи ихъ вѣдали бы, и письменны въ книгахъ объявленны показывалися, а не объявленнаго ничего бы не было».

2. «Еже отъ своихъ сродныхъ, или знаемыхъ, даемая имъ, аще одежды или обуци, аще крашенины или точива, или ино

*) Окончаніе. См. февраль.

что, объявляти своимъ казначіямъ безъ утаенія, а казначіямъ въ книгу записывать подъ оныхъ статью».

3. «Еже постницамъ денегъ у себя не держати въ келіяхъ и въ ковчеглахъ; аще ли кто имъ отъ своихъ принесетъ деньги на нужду, то, взявшимъ имъ, относити опредѣленному на сіе отъ нихъ казначею и отдавати; а оному, пріемшу, записывати; и когда потреба будетъ имъ чесога къ житію, исполняти по опредѣленію».

4. «Еже постницамъ въ своихъ келіяхъ св. иконы, аже имѣють, въ новоокладахъ, сребренныхъ и позолоченныхъ, не сострояти, и у христіолюбцевъ на сіе не просити; аще имѣетъ кто усердіе о семъ, въ церковь да творитъ и церковныя иконы да украшаетъ, яко можетъ и волиетъ».

5. «Въ постницахъ одежды да будутъ простыя, отъ суконъ простыхъ черныхъ и крапешинъ; а китайчатыя, и киндочныя, и бомбарекковыя, и иныя однорядочныя, и яренковыя, и прочія подобныя: таковыя одежды въ постницахъ никогда же да явятся, и держати ихъ отнюдь запрещено да будетъ всякому лицу; токмо треушки, по обычаю, китайчатыя черныя да творятъ».

6. «Еже у шубъ постницъ пухи бобровыя, выдряныя и прочіе, подобныя никогда да будутъ, но обычныя овчинныя, сличныя пустынному житію и общежительному благочинію».

7. «Дабы у дѣвческаго чина перевязки были черныя, смиреннаго обычая, и покрывала не шолковыя, но простыя, и гойтаны у одеждъ черныя вишневыя, а не красныя, зеленые, и желтыя, неприличныя пустыннымъ обрядамъ».

8. «Еже кружевъ и плетеній вязбенныхъ, и прочихъ непотребныхъ украшеній, въ постницъ предѣлахъ отнюдь не дѣлати, ниже покупати, подъ запрещеніемъ».

9. «Еже постницамъ чужихъ и странныхъ животовъ въ сохраненіе не пріимати, кромѣ благословенія настоящихъ».

10. «Еже въ окрестныя жилища постницъ не отпущати, для гостыбы и свиданія своихъ, никогда же, кромѣ смертнаго случая, или ины нѣкія вины благословныя».

11. «Аще которыя вновь будутъ въ братство пріиматися женска пола, и аще объявятъ у себя денегъ колико, или сребра: сихъ имъ не оставляти, но въ казну все обирати; аще ли же одежды и обувь, токмо казначіямъ тамошнимъ въ книги записывать сія именно».

12. «Еже въ міръ, — въ волости и грады, къ своимъ, или

для иныя нужды, постницъ весьма не отпущати никакоже, но быти имъ неисходнымъ отъ своего жилища. Аще ли кая неотреченная нужда киновійская явится, тогда общимъ совѣтомъ полезная избирати».

13. «Еже постницъ изъ монастыря не изгоняти для каковы ли бо вины, скитатися не попускать въ позоръ и поношеніе всенародное. но внутрь обители смиряти, яко подобаеть».

Заканчивалось это постановленіе Выговскаго «собора» такимъ примѣчаніемъ: «сія вышеобъявленная опредѣленія, какъ настоятелемъ, такъ и прочимъ надзирателемъ, хранити неизмѣнно».

«Опредѣленіе» подписали слѣдующія лица: старецъ Пафнутій, старецъ Θεодосій, Даніилъ Викуловъ, Семень Денисовъ, Лука Θεодоровъ, Даніилъ иконникъ, Мануилъ Петровъ, Иванъ Филиповъ, который подписался и за Захарія Степанова, Кирилль Максимовъ, Автономъ Семеновъ ³³).

Второй памятникъ носитъ такое заглавіе: «Предѣлъ постницамъ на службахъ: како имъ на трудахъ, съ обрѣтающимися при нихъ стариками, трудовъ нужность и благочиніе имѣть». Всего въ этомъ «предѣлѣ» 10-ть статей.

1. «На трудахъ будучи постницамъ, аще кая нужда случится подѣлки, доносить своей надзирательницѣ, и она возвѣститъ старостѣ, который въ старикахъ начальный, и тако дѣло управится».

2. «Аще случится платить что, обуцу какую, отдавать надзирательницѣ; и она отдаетъ плачельному старику, и управивъ оное, паки отслетъ или отнесетъ ко оной, или на мѣсто опредѣленное отнесетъ и положить».

3. «А сами постницы не имутъ власти отдавать платить, ниже сами десятиціе да дерзнуть, еже отдавать старику обувь, развѣ которому десятицкому повелѣно будетъ отъ большихъ; также и старикъ не имать власти мимо надзирательницы приимати обувь, или отдавати постницамъ; дерзающія же подъ запрещеніе обои подпадаютъ».

4. «Аще которая общая подѣлка въ келіи у постницъ, или въ поварни, случится починить, то возвѣщать большухѣ, и она

³³) Рукоп. И. П. В. Q. 1. 1065, лл. 77—80.

возвѣститъ начальному старику; а дѣлать, или починивать не во время стряпни,—когда постницы, неприлично сіе, но когда отстряпаются и уберутся въ своя предѣлы, тогда дѣлать при старѣйшихъ постницахъ.

5. «Также аще случится въ кибиткахъ починка, да просить большуху и, когда починивать—большуха да осмотритъ прилежно, чтобъ съ кибитки всѣ постницы выбрались, и никого тамъ не было, тогда пустить старика починивать спорченное».

6. «И се надзирательницѣ смотрѣть крѣпко: еже постницамъ докучати старикамъ дѣлать ковшики, или ложки, или посошки, про себя, отнюдь не попускати, но весьма крѣпко запрещати. А которыя дерзнуть, у тѣхъ сдѣланныя вещи отымати всячески, самѣхъ же соборнѣ наказывать—поклонами, неяденіемъ, и прочими приличными запрещеніями».

7. «Также и всѣмъ постницамъ возвѣститъ, какъ десятицкимъ, тако и рядовымъ: дабы на единѣ со стариками бесѣдъ и разговоровъ никогда же дерзали имѣти, а дерзающія сія попадутъ запрещенія томленію».

8. «Аще ли же кому нужда будетъ возвѣстити начальному старику и на единѣ какое слово: при всѣхъ, мало отведши, еже другимъ не слышати, и тако творить бесѣду, а инако никогда же ни единая дерзнетъ».

9. «Сія вся въ постницахъ надсматривати надзирательницамъ и большухамъ накрѣпко, а десятицкимъ помогати; а въ старикахъ начальному старику и прочимъ такожде соблюдательно смотрѣти и совѣтовати; непослушающихъ же запрещати неослабно, и наказывати по вышеписанному предѣлу».

10. «Аще ли же надзирательницы, или большуха которая, въ постницахъ попустить кому преступити, или безчиніемъ коимъ вышеописанное развратить,—сама наказана будетъ отъ собора подобнѣ, якоже оныя; также и кой начальный старикъ, аще таковая попустить, или самъ таковая преступитъ, такоже отъ собора приметъ жестокое запрещеніе» ³⁴⁾.

Таковы опредѣленія, какія были назначены въ руководство насельницамъ Лексинской пустыни,—разные «чины, статьи предѣлы». Изъ нихъ мы можемъ легко видѣть, что въ періодъ настоятельства на Выгѣ Андрея и Семена Денисовыхъ прила-

³⁴⁾ Рукоп. И. П. Б. Q. 1. 1065, лл. 80 обор.—82.

гались всѣ старанія къ тому, чтобы организовать и упорядочить жизнь женскаго отдѣленія этой пустыни, существовавшего сначала на рѣкѣ Выгѣ, а потомъ отдѣльно—на рѣкѣ Лексѣ. Но легко можно видѣть и то, что дѣло здѣсь какъ-то не ладилось. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ вызывалось появленіе новыхъ «правиль», представлявшихъ большею частію повтореніе старыхъ? Очевидно, тѣмъ, что старыя правила скоро забывались и требовали новаго напоминанія. Затѣмъ, нельзя не обратить вниманія, что всѣ «чины» и «статьи» имѣли въ виду исключительно внѣшнюю сторону жизни руководимыхъ и касались ея мелкихъ сторонъ и вещей неважныхъ. Очевидно, духовное совершенствованіе человѣка, внутренняя жизнь членовъ Лексинской общины ставилась въ зависимость отъ исполненія условій этой внѣшности. Одно только бросается въ глаза, это—стремленіе установить жизнь цѣломудренную, чѣмъ обуславливались всѣ правила, касавшіяся сношеній женщинъ съ мужчинами. Однако и эти требованія проводить жизнь строго дѣвственную членами Лексинской общины часто нарушались. Этимъ и объясняются всѣ дальнѣйшія подтвержденія ранѣе изданныхъ «правиль». Въ позднѣйшихъ «правилахъ» часто встрѣчаются повторенія того, что было установлено «правилами» раннѣйшими. Это повтореніе и подтвержденіе «старого» вызывалось именно тѣмъ, что существовавшія «правила» не хранились: были забываемы и нарушаемы. Въ частности, тоже самое нужно сказать и относительно «правиль» собственно о дѣвственной жизни. Самъ архиктиторъ Выговской пустыни Андрей Денисовъ своими посѣщеніями Лексинской пустыни подавалъ большой соблазнъ. Разказовъ о поведеніи Денисова на Лексѣ передавалось не мало. Между прочимъ, вопреки «правиль», которыя предъявлялись всѣмъ насельникамъ Выговской пустыни и насельницамъ Лексинской пустыни,—Денисовъ построилъ на Лексѣ на имя сестры Соломоніи большую келію, «многіе покои имущую, теплые и холодные»; при этой келіи имѣлась «потаенная баня». Для чего все это дѣлалось, разказы объ этомъ ходили нехорошіе. Точно также Данииль Викуловъ построилъ въ Лексинской пустыни своей дочери Анастасіи такую «келію», которая имѣла до 30-ти дверей и до 50-ти оконъ, и жилъ въ этой «келіи» самъ съ своею «келейницею»³⁵⁾.

³⁵⁾ Извѣщеніе праведное, стр. 72—74. Ист. Выгв. пустыни, стр. 207.

Особенный наплывъ посѣтителей на Лексу совершался лѣтомъ, особенно къ 24 іюня, когда торжественно праздновался праздникъ «Ивановскій». Даже въ первое время существованія Лексинской пустыни на Ивановскій праздникъ стекалось не менѣе 2000 человѣкъ обоого пола. Въ это время здѣсь совершалось крещеніе младенцевъ и перекрещиваніе взрослыхъ ³⁶).

Отдѣливъ женскій полъ съ Выга на Лексу, выговцы оставили часть женщинъ и на Выгѣ,—не въ томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ здѣсь женскій полъ прежде, а въ другомъ—«за горкою», близъ Выговскаго кладбища, разстояніемъ отъ Выговскаго мужского общежитія не болѣе одной четверти версты. Здѣсь построили челядню, портомойную, молошницу и «кели жировыя»; около «келій поставиша ограду, и у воротъ приворотную келію, для прихода и свиданія сродственниковъ, и для всякихъ братскихъ нуждъ приходящихъ», и поставили «приворотницъ, и надсмотрщиковъ, и караульчиковъ, по чину». Здѣсь останавливались прїѣзжавшія Лексинскія насельницы. Мѣсто это было извѣстно подъ именемъ «коровьяго двора» ³⁷).

V.

Частныя посланія на Лексу и съ Лексы: три Даніила Викулова, три „слова“ и два посланія Андрея Денисова, два посланія Петра Прокопьева.—Поздравленіе Соломови Денисовой.

Какъ мы видѣли, на Лексу ходили съ Выга наблюдать за здѣшними жителями слѣдующія лица: Даніиль Викуловъ, Андрей Денисовъ, Петръ Прокопьевъ и старецъ Пафнутій. Даніиль и Андрей участвовали и въ составленіи «правиль» для Лексы. Кромѣ того, отъ Даніила, Андрея и Петра сохранились еще частныя посланія на Лексу.

Намъ извѣстны три посланія Даніила Викулова, изъ коихъ одно озаглавляется такъ: «О неблагочинныхъ дружбахъ». «Тяжкогрѣшный Даніиль» писалъ «дѣвственному сословію»: «Возвѣщаю и молю, вкупѣ же и заповѣдаю симъ писаніемъ всѣмъ вамъ, паче же юнѣйшимъ дѣвамъ», что должны быть оставлены возникшія среди Лексинскихъ насельницъ «неблагочинныя дружбы». «Ввыкли во многихъ васъ... двоедружества нѣкія: бесѣдовати двѣма; и водитися тако... поити двумъ;

³⁶) Извѣщеніе праведное, стр. 112. Раск. дѣл. XVIII вѣка, 1, стр. 376.

³⁷) Ист. Выговской пустыни, стр. 135—136. 261.

сближаться двумъ; отвѣтъ какой вѣщшей дати—посоветовать о томъ вкупѣ; почитію быти у двоихъ вмѣстѣ, или спати вкупѣ на единомъ одрѣ, во единомъ положу; и въ молитвенное время: послѣ навечерни; или въ нощи глубокой промолвить, или пошептаться токмо съ тѣми купноспальницами; у нихъ, слышится, водится: умыванія тѣлесная, предсланія мягкочествуемая, подношенія рукоубрусныя бѣлыя, вода—къ умовенію рукъ и лица; кая художество шитное имать, платокъ украсить потаеннѣ отъ набольшія; такожде другая ищетъ времени щелоку сварити ко умовенію; или нозѣ разути, или обути; или воды на руцѣ поліяти съ предстояніемъ платочнымъ, и прочее». Дѣлая замѣчаніе по поводу указаннаго «обычая», Даніилъ Викуловъ писалъ: «Еда отъ такихъ—двѣма въ дружбѣ быти—обычаевъ, странныхъ общему спасенному житію, не будетъ тщеты? Еда не помрачится боголюбиваго ума око? И еда не отпадаетъ сладость будущихъ надеждъ»? Отвѣчая на эти вопросы, Даніилъ Викуловъ писалъ, что Писаніе не повелѣваетъ не только «дотрогиваться до другого тѣлеси», но и «наготу обзирать», чѣмъ давалось осужденіе существовавшимъ на Лексѣ «порядкамъ».

На полѣ нашей рукописи значится, что она представляетъ копію съ «собственной руки Даніила Викулова»³⁸⁾.

Второе посланіе Даніила Викулова было адресовано инокинѣ Пелагіи, вѣроятно вышеупомянутой сестрѣ Захарія Стефанова.

Насельницы Лексы просили Даніила побывать у нихъ. Даніилъ отказывался исполнить это,—просто потому, что ни Петра Прокошьева, ни кого либо другого «отъ вѣщшихъ» въ Выговской пустыни въ то время не было.

Затѣмъ Даніилъ напоминалъ о томъ, что было сдѣлано имъ «въ прошолѣтіи». Тогда онъ, далъ наставленіе «безвременныя и неспасающія дружбы разорити»; это «подтверждали съ зельнымъ прещеніемъ» потомъ Андрей Денисовъ, и отецъ Пафнутій. Но «дымъ буйнаго того, не вѣмъ—какого, любожеланія и до нынѣ не выкурился, и корень такого безстрашія еще не исторгается... и душевредія таковы паки прозябаютъ». И вотъ послѣдствія этого: для «приходящихъ пустынножитель-

³⁸⁾ Рукоп. И. П. В. Q. 1. 1065, лл. 26—30.

ницъ поглядати благочиніе» Лексинскихъ насельницъ, по словамъ Даніила, нѣтъ никакой пользы: «пользы душамъ ихъ не обрѣтается отъ васъ, а иное усмотряется,—обнаженіе зазора, вмѣсто полезныхъ—соблазнъ и претыканіе». По словамъ Даніила, стали говорить уже такъ: «не знать, како приходитъ стало въ дѣвическу обитель,—подъ началомъ живутъ, а невѣдомо что дѣлаютъ; коимъ грамотки навязываютъ посылать къ сестрамъ монастырскимъ; а инии къ стороннимъ посылаютъ», причемъ «заказываютъ, прежде врученія посылки, никому бѣ не пронести; а инии пазущные гостинцы навязываютъ, также бы тайно отнести; и знать-де, что безъ благословенія таковыя зачинанія. И не знать, какъ дѣлать: послушать таковыхъ посылщицъ—како бы отъ большаковъ не пострадать чего, а не послушать—ино отъ тѣхъ приступу не будетъ». Такъ описывая существовавшіе на Лексѣ «порядки», Даніиль добавлялъ: «и вамъ бы, мать, съ уставщикомъ и еще съ нарочито иными, при комъ доведется, пишущихъ дѣвъ, кои лѣтомъ симъ обители придержалися, и кои вновь жительницы молодья... о такихъ неблагословенныхъ дерзостяхъ потонку накрѣпко распросить, и розыскать, къ кому кто писалъ, и какъ было, и о чемъ писано или послано, и для чего—какого ради залогоу, какимъ извѣтомъ, и съ чьего кто совѣта, или благословенія? И кто въ чемъ приличится, въ томъ и тоя рѣчи и записать такъ. А буде кто къ Денисьевичу, или къ намъ, для извѣщенія духовнаго, или къ Прокопьевичу писали, тѣхъ въ вину не полагать, и не записывать. А по допросной запискѣ и цѣльба приложить, чего доведется... А впредь бы, съ сего числа, молодымъ писицамъ, и всѣмъ, заказъ учинить крѣпкой, чтобъ безъ доклада ввѣреницъ своихъ къ другинямъ отъ другихъ, или отъ себя, ничего бы ни кому не писали, и гостинецъ никто не посылали бѣ тайно, и ввѣреницамъ отъ того и самимъ облюдатися, и такихъ безчинныхъ волю не попускати; а въ недоумѣнныхъ вещьхъ вамъ бы докладъ приносить»³⁹⁾).

Въ разсматриваемой нами рукописи есть замѣчаніе, что она представляетъ копію «съ собственной руки Даніила Викулича». Писано это посланіе еще при жизни Петра Прокопьева, умершаго 25 апрѣля 1719 года.

Третье посланіе Даніила Викулова въ рукописи надписывается такъ: «Любезнаго отца и учителя Д. В. увѣщаніе

³⁹⁾ Рукоп. И. П. Б. Q. 1. 1065, лл. 48—51.

послѣднее». Даниилъ Викуловъ умеръ 12 октября 1733 года. Если данное «увѣщаніе» называется «послѣднимъ», то писано оно было, очевидно, не задолго до этого времени. «Увѣщаніе» предназначалось, прежде всего, конечно, мужскому отдѣленію Выговскаго общежитія, а потомъ—безспорно и женскому, бывшему на Лексѣ.

«Чего отъ мене желаете?»—спрашивалъ Даниилъ Викуловъ, начиная «увѣщаніе». «Злата, или сребра? Но оно есть тлѣнно и мимотекущее... вскорѣ погибаетъ... Ризъ ли драгихъ и многоцѣнныхъ желаете? Но ризы скоро растлѣваются: аще вмалѣ человекъ украшаютъ, но потомъ ни во что бывають. Не ризы тлѣнныя человекъ украшаютъ, но житіе добродѣтельное: смиреніе, кротость, и чистота душевная и тѣлесная. Или славы міра сего желаете насладитися? Но слава міра сего маловременная есть, и скоро преходитъ, и ни во что обращается, и погибаетъ. Но аще кто потщится стяжати страхъ Божій, кротость, и смиреніе, воздержаніе, и истинное покаяніе, то есть самая истинная слава и честь человекъ, которою получить возможеť будущую вѣчную славу. Се есть красота человекъ, се есть богатство негибнущее: житіе добродѣтельное, житіе боголюбезное, житіе воздержательное, жизнь благопокорная! Сего вы желайте богатства, сію восхищайте славу, симъ укращайтесь благолѣпіемъ!» Въ заключеніе Даниилъ оговаривался: «Хотѣлъ было и много глаголати вашей любви, но сила моя изнемогаетъ, и уста пресхоша,—языкъ вѣщати не попускають. Тѣмъ же молчати паче, неже глаголати понуждаюсь, и отъ всѣхъ конечнаго прошу прощенія» ⁴⁰).

Таковы посланія Даниила Викулова на Лексу, характеризующія отношенія къ насельницамъ Лексинской пустыни Выговскаго киновіарха.

Еще болѣе дѣятельное участіе въ организаціи жизни на Лексѣ обнаружилъ Выговскій архиктиторъ Андрей Денисовъ. Сохранилось, во первыхъ, два его «слова», произнесенныя въ Лексинской пустыни, затѣмъ—«слово» нѣкоей старицѣ Аннѣ, наконецъ—два посланія, писанныя на Лексѣ. Остановимся прежде всего на двухъ названныхъ «словахъ», произнесенныхъ въ Лексинской пустыни.

Первое «слово» сказано на текстъ изъ посланія къ Гала-

⁴⁰) Рукоп. Олонецкой семинаріи № 1691, гл. 21.

тамъ: «Мнѣ же да не будетъ хвалитися токмо о крестѣ Господа нашего Исуса Христа». Оно было произнесено въ праздникъ Воздвиженія креста Господня, по имени каковаго праздника называлась и самая Лексинская пустынь «Крестною».

Прежде всего Денисовъ объяснялъ, почему онъ взялся произносить «слово» въ праздникъ Воздвиженія креста. «Якоже премудрый нѣкій воевода, и храбрый, предъ полкомъ воиновъ своихъ предходя, возвышая сильное и врагамъ страшное оружіе, имъ же враги утрашая и отгоняя, воины же своя храбры и мужественны творя, и острѣйшимъ оружіемъ и чиннымъ полковоженіемъ враги ратовати научая,—сиче Павель, сосудъ избранный, храбрый воевода церковный, премудрый полководецъ христіанскій, многорачительный учитель челоуѣкомъ, вооружая Христовы воины, ополчая христоименитые оруженники, ратовати на діавольскія полчища научая, побѣждати адскія силы наказуя, предходя предъ полкомъ всѣхъ христоименитыхъ, показуя всѣмъ крѣпкое Христово оружіе, являя неодолимую побѣду на борющіе ны демоны, вопіеть ясно, возглашаетъ мужественно: мнѣ, рече, да не будетъ хвалитися токмо о крестѣ Господа нашего Исуса Христа. Елма убо животворящаго креста Воздвиженіе праздникъ возсія намъ днесь, праздникъ свѣтель и радостень, церковное утверждение, и всѣхъ христіанъ удобреніе,—тѣмъ же и мы, грубіи, вашей любви, люботруднымъ, и въ послушаніи рачительнымъ, и крестнаго торжества любительнымъ, о пользѣ сего крестнаго праздника, въ утѣшеніе слово приносимъ днесь. Ибо самъ Господь нашъ Исусъ Христосъ даде намъ преславное сіе оружіе, и симъ оружіемъ все діавольское полчище побѣждати дарова намъ, по гласу церковному, глаголющему: Господи, оружіе на діавола, крестъ Твой даль еси намъ: трепещеть бо и боится, не могій взирати на силу Его».

Потомъ Денисовъ изображалъ значеніе креста по отношенію ко всякому христіанину. «Чесо ради всеражайшо, и вселадчайшо, и вселюбезно намъ есть оружіе крестное? Яко Христомъ Спасителемъ данное. Яко вся вѣрные утверждаетъ. Яко бѣсовскія четы прогоняетъ. Яко цѣлуемо—боголюбивые освящаетъ. Яко знаменуемо—вооруженны и крѣпки немощные творить. Яко носимо на себѣ—вслѣдъ Христа шествовати помогаетъ, и царствія небеснаго достигнути дарствуетъ, по священному Спасову гласу: аще кто хоцетъ вслѣдъ Мене иди, да возметъ крестъ свой и послѣдуетъ Мнѣ». Сила креста Христова такова:

«Сій крестъ святой воспримше, апостоли вселенную въ бого-разуміе приведоша. Симъ крестомъ вооружившися, мученики и мученицы, яко храбрїи воины, діавола и мучителей преодолѣша. Крестомъ пустынники и пустынницы возмужившися, вся бѣсовскія четы побѣдиша. Крестомъ вооружившися, вси боголюбивїи любезно добродѣтельный путь пройдоша. Крестною силою дѣвственницы дѣвство, постницы постъ, подвижницы подвигъ, молитвенницы молитвы, послушницы послушаніе, милостивїи милосердіе, и прочія вся добродѣтели, въ крестномъ терпѣнїи, и твориша, и соблюдоша, и сохранени быша... А иже отчуждившіеся крестнаго благочестїя и отлучающїеся крестнаго огражденїя колико неблагополучни бѣднїи, колико злосчастни страстнїи!.. Иже слабости ради не возмуть креста святаго на себя носити, сего ради не могутъ быти ученицы Христовы, по Христову евангельскому словеси: Аще кто не носить креста своего и вслѣдъ Мене грядеть, не можетъ быти мой ученикъ. Иже истиннаго крестнаго знаменїя на себѣ не полагають, гордости ради или лѣности, и махаютъ сѣмо и овамо: сему маханїю, по Писанїю, бѣсы радуются. Чесо ради должно намъ всяко тшанїе показовати, да ограждени будемъ силою крестною».

Въ заключенїе Денисовъ призывалъ всѣхъ «ополчиться оружіемъ креста». «Вселюбно и всеусердно носимъ на себѣ крестъ Господень, въ терпѣнїи добродѣтельномъ того выну воздвижуще, и всюду со крестомъ бываемъ. Во всяко время оружіемъ симъ да ополчимся. Смотрище на распятїе Господа нашего, любовно сраспинатися въ терпѣнїи готови будемъ. Помняще вседражайшую кровь Господню, за насъ изліянную, да пребываемъ всегда очищени, и всякихъ мерзкихъ грѣховъ да бѣгаемъ, и всяку добродѣтель да возлюбимъ. И крестомъ вооружившися, діавольскихъ навѣтовъ не убоимся. Въ молитвахъ крестомъ подтверждаемъ... Дѣвственную доброту крестомъ соблюдаемъ... Постныя и нуждныя трапезы крестъ Христовъ да услаждаетъ намъ. Тако крестнїи подвижницы, со крестомъ Господнимъ пребывающе, возможемъ ученицы Христовы быти, и діавола побѣдити, и вслѣдъ Христа шествовати, и вѣчнаго пресвѣтлаго небеснаго царствїя достигнути о Христѣ Ісусѣ, Господѣ нашемъ, Ему же слава со Отцемъ и со Святымъ Духомъ, нынѣ и во вся лѣки, аминь ⁴¹⁾».

⁴¹⁾ Рукоп. Румянцевскаго музея (Ундольскаго). № 1252, лл. 136 об.—191.

Второе «слово» написано на текстъ: «Всякъ подвижаяся, отъ всего выдержится». Въ нашей рукописи, въ оглавленіи, это «слово» надписывается такъ: «Поученіе полезно подвижающимся о Христѣ постникамъ». Въ изложеніи «слова», дѣйствительно, есть обращеніе къ дѣвическому полку». Въ припискѣ къ другой рукописи сдѣлано поясненіе, что «слово» писано Андреемъ Денисовымъ — въ то время, когда Семенъ Денисовъ находился въ заключеніи въ «Орловой палатѣ», въ Новгородѣ. На этомъ основаніи мы думаемъ, что «слово» предназначалось для Лексинской пустыни.

«Предшлемъ вамъ,—обращался Денисовъ къ «дѣвственному совокупленію»,—гостительну трапезу, аще и отъ нашего грубоумія шлему, но апостольскою благодатію избрѣтену: есть брашно, подвижающимся утѣшительно, великодушествующимъ просвѣщательно, малодушествующимъ показательно, цѣломудрствующимъ украшеніе, воздержнымъ утверженіе, невоздержнымъ огражденіе. Великій Павелъ малыми сими глаголы великоблагодатно насыщаетъ христорачительныя души: всякъ, рече, подвижаяся, отъ всего воздержится». Кто такой «всякъ»? Тотъ, «кто во всякомъ чинѣ вчиненный, начальный и подначальный, пасущій и пасомый, учащій и учимый, славный и безславный, богатый и нищій, утѣшенный и печальный, здоровый и больной, старый и юный, мужеска и женска пола сый, иже не лежай во тѣмѣ грѣховнѣй, но подвижаяся шествовати къ свѣту небесному... Во всяко время, мѣсто и случай, яко нѣкое всездоровотворное пресладкое цѣленіе, воздержаніе имѣй: воздержаніе—всякаго злонашествія себе удержаніе, воздержаніе — желательнаго цѣломудрія содержаніе, воздержаніе — въ словесѣхъ умѣреніе; въ зрѣніи—цѣломудрое, въ слышаніи—разсудительное, въ сожитіи—мѣрное, въ срѣтеніи—благостыдливое; воздержаніе—въ пространствѣ не разліянное, въ скорби—благодарное, многопищія—удержаніе, малопищія—услажденіе; воздержаніе—въ кѣторахъ безотвѣтное, въ рокотахъ—молчаливое, въ горестѣхъ—услажденіе; воздержаніе — прекрасный обычай, благодатная красота, мироюханное сожитіе, пресладкое совеселіе; всѣмъ подвижающимся всетвердая ограда, всеблагодатное стяжаніе».

Изобразивъ величіе, красоту и силу воздержанія, Денисовъ далѣе характеризовалъ и невоздержаніе. «Возри же въ противостоятельное воздержанія, въ томительствующее невоздержаніе, еже любленники своя стыдливими красты окроп-

ляетъ, еже въ многопищїихъ многоятежствомъ и чревообъяденїемъ почернѣваетъ, еже въ малопищїихъ горестїю и ропотомъ помрачаетъ; въ богатствѣ лихоимными и сладными потоки потопляетъ, а въ нищетѣ крадливыми и лжеплетеными нравы осмраждаетъ; въ безмолвіи уныніемъ и сномъ отягощаетъ; посредѣ челоувѣкъ многословными безчинїи и смѣхи смущаетъ; въ единомѣстномъ пребыванїи печальными снѣдаетъ; въ прехожденїихъ же тмочисленными страстьми наполняетъ; еже въ здравїи похотѣнными посмражаетъ; еже въ скорбѣхъ ропотами и борхотами помрачаетъ; еже сна и словесъ множество творить; еже молитвы и слышанїя Писанїй умаленїе дѣетъ; еже въ словесѣхъ безстыдное, въ обычаѣхъ многостроптивное, въ дѣлѣхъ непостоянное; поста—ненавидѣніе, чистотѣ—морвое повѣтріе, всякому добронравью—всетлѣющая невзгода».

Затѣмъ, обращаясь къ воздержанїю, Денисовъ призывалъ его на Лексинскую пустынь. «Приди посредѣ, всекрасное воздержанїе, яви доброту свою дѣвическому полку, красно-воздержная весна».

Въ заключенїе Денисовъ обращался къ насельницамъ Лексинской пустыни и приглашалъ ихъ ревновать о воздержанїи. «Тако, добліи подвижницы,—писалъ онъ,—тако воздержанїи чертожницы, тако христуневѣщанный полче! Потщимся, возревнуемъ, возусердствуемъ. И се мало-мало: и минуетъ тлѣнное, и отверзется безсмертное; потаится земное, и покажется небесное; престанетъ маловременно льщенїе, и объявится вѣчное царствїе, его же воздержательныя нуждницы восхищаютъ; въ немъ же плачушіе богородицѣ утѣшаются; въ немъ же отреть Богъ всяку слезу чадъ Сїонскихъ; въ немъ же убѣлившіе ризы своя воздержнымъ терпѣніемъ вѣчно возликовствуютъ о свѣтлости Сїонствїи; его же да не лишени будемъ, невоздержнаго душетлѣнїя потщимся убѣжати; его же да получимъ, боголюбнымъ воздержанїемъ себе украсимъ и о самомъ Христѣ, Богѣ нашемъ, Ему же слава со Отцемъ и со Святымъ Духомъ, нынѣ, и присно, и во вѣки, аминь» ⁴²⁾.

«Слово» нѣкоей Аннѣ представляетъ собою привѣтствїе ей. Вѣроятно, это — та самая Анна, на имя которой, въ

⁴²⁾ Рукоп. Олонедкой семинаріи № 1691, гл. 12, ср. Рукоп. Румянцевскаго музея № 2555, лл. 191 обор.—196, ср. Рукоп. Румянцевскаго музея (Ундольскаго) № 1252, лл. 152 обор.—159.

1713 году были «изданы» особыя «правила» для Лексинскихъ обитательницъ.

Сначала Денисовъ воздавалъ «хвалу» пророчицѣ Аннѣ, дщи Фануилевѣ, отъ колѣна Асирова, которая, по Евангелію, присоединила свою хвалебную пѣснь къ пророчественной пѣсни Симеона. Какъ пророчицу Анну выдвинулъ Евангелистъ предъ всѣми, ей «стезоименными», такъ выдвигается и старица Анна, келарь Лексинской пустыни. «Что же начну вѣщати тебѣ, моей возлюбленной Аннѣ,—говорилъ Денисовъ,—которое въ похвалахъ моихъ дрожайшей главѣ твоей сплету вседражайшее вѣно? коими червлеными баканы вчермлю твою солнцеобразную доброту? понеже пришедый день сей принесе тебѣ славу твою; и торжество сіе владе тебѣ веселіе твое; и праздникъ сей восторжествова тебѣ радость твою; зане юже проповѣдуетъ евангельскій громъ, той ты купоименно сподобилася еси быти; юже премудрый апостоль Лука дивно напоминаетъ, той ты въ тезоименитство вочлася еси. И како сіе сладчайшее имя сладкими гласы похвалити возмогу? Понеже бо тое; яко дражайшій цвѣтъ, обрѣте себѣ мѣсто присною благовѣстія добротою выну юнѣтися въ Евангельскомъ Едемѣ. Но убо всеобрадованная, моя души всеобрадованный гласъ, привмѣтая въ чину днешняго твоего торжества, всевесело вопію: лѣпотствуй, о мой прекрасный цвѣте, на Выгорецкой пажити! Расти, предражайшее пшеничное зерно, на Заонежскихъ поляхъ! Ликуй, благородный родъ въ преславныхъ Олонецкихъ предѣлахъ! Красуйся, пресвѣтлая луно, въ блистательныхъ клеветства твоего звѣздахъ! Источай, благородія своего предобрія воды сладчайшія, утѣшенія моего рѣко! Изливай благочинія своего пресладкія соты, предражайшая, трудолюбивая пчело! Сыплися, прецѣнный мой бисере, въ драгій совѣта моего ковчегъ! Сіяй, мое пресвѣтлое золото, въ горѣ пресвѣтлыхъ твоихъ чертоговъ! Блистай, пребѣлое мое серебро, въ благородныхъ богатства твоего водахъ! Убѣляйся выну, благородный мой снѣже, на тайныхъ совѣта твоего пазухахъ! Умягчайся, мой пресладкій семидале, на столѣ радости твоея! Усвѣтлѣвайся, мой дражайшій измаргаде, во свѣтломъ торжества твоего вѣнѣ! Теци, мой златоструйный Ниле, по златопесчаному поздравленія моего брегу! Играй, тайнаго моего океана свѣтловодная волно, по крѣпкой совѣта твоего лудѣ! Усмѣхайся, мой чертоже, въ лѣпотѣ любосіятельныя твоея весны»!»!

«И таковыми радости мояя всевесельными гласы поздравивъ ты, прошу Вышняго Бога, да милостію Его возсіяетъ благородіе твое во всѣхъ твоихъ клеветѣхъ, яко солнце въ зѣздахъ; и здравіе твое предъ всѣми возвеселится, яко юнѣющій орелъ предъ птицами; и могутство крѣпости твоея да возрабрствуетъ надъ немощми, яко исполинъ надъ супостаты; и радость твоя да отженеть отъ тебе вся печальныя скорби, яко левъ лютыя рыси; и лѣта твоя да умножатся въ число песка морскаго; и богатство твое да усугубится ти мѣрою морскія пучины; и честь твоя да возвысится во всѣхъ, яко луна въ небесныхъ поясѣхъ; и любовь твоя да изліется въ мою жалость, яко высочайшая рѣка въ морской понтъ. И тако вся тиха, весела и здрава; вся благополучна, многолѣтна и душеспасительна; вся любезна, совѣтна и всепривѣтлива пребывающе во вѣки, буди, радостная, аминь» ⁴³).

Изъ приведеннаго мѣста даннаго «слова» видно, что оно писано по поводу какого-то «праздника», какого-то торжества.

Изъ посланій, писанныхъ Андреемъ Денисовымъ въ Лексинской пустыни, намъ извѣстно два: одно относится къ 1719 году, другое—къ 1721. Первое было адресовано «отъ Воздвиженскія Лексы на Боръ,—боголюбивымъ пустыннаго Боровскаго скита, усерднымъ молебнаго Пречистыя Богоматери дома строителемъ: Иосифу Григорьевичу, Григорію Ивановичу, со всѣми единоревнителн». Изъ подписи къ этому посланію видно, что оно было составлено Андреемъ Денисовымъ и подписано «22 іюня». Второе посланіе имѣетъ надпись: «Отъ Воздвиженскія Лексы въ братство и во вся скиты». Въ концѣ «слова» есть подпись: «Вашего христороубнаго, всекраснаго торжества всеусердный сослужитель Андрей Денисовъ, вселюбезно вашему боголюбію кланяюся». Даты этихъ посланій обозначены въ припискѣ каждаго: въ одномъ «7227», въ другомъ «229».

Посланіе «на Боръ», т. е. въ Боровскій скитъ, или въ «Тихвинскій Боръ» было писано по поводу письма оттуда. «Строители» Боровскаго скита прислали на Выгъ просьбу, чтобы Андрей Денисовъ прибылъ къ нимъ на праздникъ обновленія «храма» Богоматери. Занятый своими дѣлами, Денисовъ

⁴³) Рукоп. Румянцевскаго музея, № 2552, лл. 176—178.

не могъ исполнить полученную просьбу. Поэтому онъ отвѣтилъ посланіемъ въ Тихвинскій Боръ. «Нужда намъ,—писаль Денисовъ,—единоусердно тако сотворити: вамъ велерачительно тамо, а намъ усердно здѣ въ праздникъ Ея, Божія Матери, аще мѣстомъ и тѣломъ разнo, но единоусерднымъ велерачительствомъ едину Пресвятѣйшую Царицу, едину христіанскую Заступницу всеторжественно молити и праздновати. Елико же можемъ, отъ крылошскихъ служителей съ общежительства на обновленіе молитвеннаго храма Богоматери отпустить усердствуемъ». Давая такое обѣщаніе, Денисовъ приглашалъ боровцевъ: «принесемъ дары благоуханны, дары свѣтлосіяющи во украшеніе храма: дѣвственницы непреложно дѣвство, вдовствующіе чистолюбно цѣломудріе, вси богообѣщніи пустынно-родніи пустыннолюбную чистоту, молитвы прилежны, воздержаніе честно, смиреніе хриstopодражательно, любовь неліцемерну, братолюбіе не лестно, милостыню благоуханну» ⁴⁴).

Второе посланіе, отправленное съ Лексы въ Выговскую пустынь и «во вся скиты», представляетъ «Рѣчь, на Святую Пасху». Сначала Денисовъ характеризовалъ значеніе пасхальнаго торжества. «О, преславныхъ чудесь! О, всякъ умъ превосходящихъ вещей! Возримъ мало къ таинству и узримъ: како адскія темницы испровергошася! како преисподняя мучительства низложишася! како горькая смерть умертвися! како адскій мучитель связася! како мучительніи діаволи заключишася! И се изъ юзилица праотцы востекоша. Се праведніи изъ темницъ адскихъ избыша. Се полцы правовѣрныхъ изъ смертныхъ дверей воздвигнушася. Се сомны предревнихъ боголюбивыхъ, изъ адскихъ челюстей избывше, возрадовашася. О, безчисленнаго твоего милосердія, Христе! Иже адовыми содержими бѣша узами къ невечернему свѣту всерадостно востекоша веселыми ногами, Пасху хваляше вѣчную. Паки рай отверзеся. Паки Едемъ даровася. Паки всекрасныя селенія наполнишася. Паки райскаго веселія праотцы сподобишася. Паки безчисленніи роди святыхъ въ прекрасную породу произведошася. Кто не возрадуется, яко рай отверзеся! Кто не возторжествуетъ, яко Вышній Іерусалимъ вѣрнымъ даровася! Кто не воспоетъ Воскресшаго, отъ ада избавившаго и небо

⁴⁴) Рукоп. Румянцевскаго музея (Ундольскаго) № 1252, лл. 229—231.

даровавшего! Кто не прославить смерть поправшаго и от мучительства свободившаго!»!

Изобразивъ значеніе пасхальнаго торжества, Денисовъ, въ заключеніе дѣлалъ приложеніе этого значенія къ себѣ и своимъ пасомымъ. «Убо и азъ, недостойный, вашему боголюбивыхъ христожелательному торжеству приобщаюся, и не сый съ вами телеснѣ, вселюбовное же съ вами сердце достижательнѣ,—вся вы, вѣрная чада церковная, цѣлую; вся христолюбивые любовно лобызаю; ко всѣмъ вопію, предъ всѣми возглашаю: Христось воскресе, радость наша! Христось воскресе. утѣшеніе наше! Христось воскресе, избавитель нашъ! И паки предъ всѣми приглашаю, проповѣдаю, и не молчу, возглашаю, и не таю. Аще и бѣсы ненавидятъ; аще и діаволи ярятся; аще и жидовскій сонмъ неистовствуетъ; но съ вами христолюбивыми, и вселюбезными подражатели немолчно вопію: во истину воскресе Христось! Тому слава во вѣки, аминь» ⁴⁵).

Большое участіе въ организаціи жизни Лексинской пустыни принималъ еще Выговскій «уставщикъ» Петръ Прокопьевъ. Поэтому въ «приговорѣ» 4 мая 1718 года Петръ Прокопьевъ, какъ мы видѣли, прямо назывался по имени. Намъ извѣстны два памятника, писанныя Петромъ Прокопьевымъ въ Лексинскую пустынь. Оба писаны уже незадолго до кончины Петра. Одно было адресовано всѣмъ насельникамъ Лексы, другое—двумъ сестрамъ Петра: Февроніи и Татьянѣ.

Въ первомъ посланіи читаемъ: «Честнаго и животворящаго креста въ общежителствѣ пребывающимъ и силою его сохраняемымъ... всѣмъ дѣвствующимъ постникамъ... вперившимъ умное свое око ко премірнымъ, дольняя же оставльшимъ, всѣмъ вкупѣ отъ большихъ до меньшихъ, отъ наставницъ и до послушныхъ, отъ юныхъ до престарѣлыхъ, воспѣвающимъ и поющимъ, чтущимъ и слушающимъ: грѣшной, и окаянной, и недостойный уставщикъ Петръ, молитвами вашими сохраняемый, всѣмъ вамъ многократно поклоняясь, падая до земли, челомъ бью».

Извѣщая, что чувствуетъ приближеніе смерти, Петръ просилъ у всѣхъ прощенія, говоря, что если кому когда онъ и досадилъ, то все дѣлалъ всегда «ради пользы и спасенія»

⁴⁵) Рукоп. Румянцевскаго музея (Ундольскаго) № 1252, лл. 203—205 обор.

всѣхъ. «Аще ли же что отъ дерзости и неразумнаго, и чрезъ мѣру прилучися, и въ томъ прощенія прошу, и припадаю къ вамъ симъ моимъ малымъ рукописаніемъ: даруйте ми милости, ради Божія милости, и простите мя окаяннаго, во всемъ дерзкаго и неразумнаго; и помозите мнѣ нынѣ въ настоящей сей нуждѣ, въ разлученіи унылыя моя души отъ страстнаго ми тѣла. Помолитесь прилежно ко Господу Богу нашему, Владыцѣ Христу, да помилуетъ мя; да послетъ ангеловъ мирныхъ, хранителей и наставниковъ, соблюдающихъ отъ враговъ лютыхъ и немилостивыхъ бѣсовъ; да проводитъ мя безъ пакости лютыя истязанія ихъ; да наставитъ мя въ мѣста покойна... Ей, молю васъ, припадаю вамъ, да помолитесь о моей окаянной души, да даруетъ ми послѣднюю сію милость. Егда бо азъ и въ жизни сей пребывахъ, молитвами вашими покрываемъ, хранимъ бывахъ отъ всякихъ бѣдъ и напастей. Нынѣ же паче потреба помощи, и покрова, и заступленія, въ дальній сей путь ми идущу, въ незнаемую страну ми входящу, идѣже пойду — и къ вамъ уже не возвращуся, идѣже не вѣмъ — что ми прилучится. Нынѣ помозите, нынѣ поспѣшите, знаеміи мои и возлюбленніи».

Чтобы сильнѣе расположить къ себѣ Лексинскихъ насельницъ, Петръ вспоминалъ недавнее прожитое. «Помяните, яко вся лѣта житія моего съ вами изжихъ, и дни юности моя и средовѣчія съ вами скончахъ. Не восхотѣхъ разлучитися отъ содружія вашего, и сопребыванія, аще и скорьбами и папастыи, внѣшними и внутренними, сострѣляемъ, изволихъ вся претерпѣвати, до дне смерти моя, и дондеже гробъ мя приметъ. И сія глаголю не вознося, — не буди! Чимъ бо вознестися могу, понеже пусть быхъ всякаго блага; но помощи требуя въ нынѣшнюю годину, глаголю сія,—нужда бо моя велика постиже. Сего ради, молю васъ и припадаю вамъ: помолитесь о мнѣ, окаянномъ, и потрудитесь Господа ради въ молитвахъ вашихъ и поклонѣхъ... Помяните, егда вкупѣ совокупляхомся и бесѣдовахомъ о горькомъ семъ времени, и трепетной сей годинѣ: и се нынѣ мя постиже, и се нынѣ ко мнѣ приде. Помозите ми, Господа ради, помозите: помолитесь о мнѣ злосчастнѣмъ и окаянномъ, да милостива и щедра узрю благаго моего Бога же и Владыку, Его же прогнѣвахъ, Его же раздражихъ злыми моими дѣлы. И аще помилуетъ мя благодѣи Богъ милости своя ради, и за молитвы Пречистыя Матери своя, и вашихъ ради благопріятныхъ молитвъ, и изба-

вить мя отъ враговъ моихъ, и дасть ми хотя мало мѣсто покоя: и тогда возрадуюся, и возвеселюся о Бозѣ, Спасѣ моемъ, поминая вашу любовь и милость ко мнѣ. Да дасть же намъ челоуѣколюбивый Владыка нашъ и Господь и въ будущемъ вѣцѣ, въ блаженной оной жизни, совокупитися во благихъ Его селеніяхъ, и сликовствовати вкупѣ, славяще Пречистую Троицу во вся безконечные вѣки, аминь» ⁴⁶).

Очевидно, Петръ Прокопьевъ сильно желалъ, чтобы заупокойныя молитвы о немъ возносились именно въ Лексинской пустыни. Еще подробнѣе писаніе Петра на имя сестеръ своихъ Февроніи и Татьяны.

«Возлюбленнымъ моимъ сестрамъ: единоутробной и единокровной Февроніи Прокопьевнѣ, и единоотечной, аще и нединоутробнѣй, Татьянѣ Прокопьевнѣ,—братъ вашъ по плоти, азъ худый, и непотребный, и грѣшный, и окаянный Петръ, извѣстно творю»: такъ начиналъ свое посланіе Петръ Прокопьевъ.

Первое, о чемъ извѣщаль Петръ, это—то, что онъ приближается къ смерти. «Се убо праведными судьбами Господа Бога моего зѣло скорблю, и изнемогаю, и болѣзную; и сила моя плотская, и крѣпость во мнѣ до конца оскудѣ; и ничтоже ино ожидаю, точію въ путь отецъ моихъ поити, и смертную чашу испити, горькую и болѣзненную. Васъ же оставляю въ помощь и сохраненіе Господу Богу... и стрывомъ нашимъ по плоти съ сестрою ихъ возлюбленною, нашею теткою,—дядѣ моему и отцу Андрею Денисьевичу, и Семену Денисьевичу, и Соломоніи Денисьевнѣ: къ нимъ же всякое повиновеніе, и благоразуміе, и послушаніе всегда имѣйте во всемъ, дондеже дасть вамъ Господь Богъ жити на семь свѣтѣ, и отнюдь никакоже отлучайтесь отъ нихъ, но всѣмъ сердцемъ, и душою, и любовію прилежите къ нимъ».

Затѣмъ Петръ Прокопьевъ давалъ своимъ сестрамъ разныя наставленія, излагая все это очень подробно. Мы коснемся здѣсь этихъ наставленій лишь кратко. Такъ, Петръ поучалъ, что, сохраняя себя во всемъ, должно любить тѣлесную чистоту, должно любить постъ. «Аще плоть неможетъ и скорбить отъ подвига, тогда душа здравствуетъ; лучше плоти болѣти, а не

⁴⁶) Рукоп. Румянцевскаго музея, № 2552, лл. 172—173 обор.

душѣ». Потомъ Петръ обращалъ вниманіе на подвигъ смиренія. «Держите же ся смиренія истиннаго, умнаго и сердечнаго, всѣхъ худши себѣ помышляюще; и никто васъ не оскорбитъ, егда сами себе начнете оскорбляти, и себе хуже всѣхъ вмѣяти. Тогда всѣ васъ почитати будутъ, и отъ Бога не будете унижены». Чтобы устранить всякій поводъ къ столкновеніямъ съ другими, по мнѣнію Петра, не должно брать на себя чинъ учительства. «Не ваше дѣло есть кого исправляти и наказывать... отнюдь не досаждайте никому ничѣмъ... Помните, яко и за всякое слово праздное отвѣтъ дати Богу будемъ».

Особое наставленіе давалъ Петръ относительно сохраненія цѣломудрія. «Отъ мужескаго пола, паче отъ чужихъ, всячески удаляйтесь, и зрѣнія ихъ и бесѣдованія, яко отъ пламени, и безъ великой нужды отнюдь съ чужими да не обрящетесь въ бесѣдѣ каковой. Аще и нѣкая нужда будетъ, и то не наединѣ, но съ иными, ту сущими, покрывая свое лице опасно, да не видѣно будетъ. А наединѣ отнюдь да не обрящетесь съ кѣмъ, аще и разумни мнятся быти, аще и учителя нѣціи. Велико опасеніе о семъ стяжите во вся дни живота вашего. Да не корабль вашего цѣломудрія проутлится и погруженъ будетъ въ страстной житія сего пучинѣ». И не только мужчинъ должно остерегаться. «И другинъ неполезныхъ, и плотское мудрованіе имущихъ, удаляйтесь, и словесъ душевредныхъ, и озязаній страстныхъ съ ними блюдитесь: многокозненъ бо есть и многоковаренъ врагъ нашъ. Егда кого собою уловити не возможетъ, тогда своими сосуды прельщаетъ, и всячески оскверняетъ, и въ прогнѣваніе святаго Бога насъ приводитъ, и хранителя нашего отгоняетъ отъ насъ».

Замѣчая, что приближается часъ смерти, Петръ Прокопьевъ говорилъ, что его по этому поводу «стѣсняють двѣ печали». «Единая сія есть: да како возмогу преити лютая воздушная мытарства — увы! — тонкая и жестокая ихъ истязанія; и како возмогу исторгнутися отъ ногтей ихъ острыхъ и крѣпкихъ; и какъ узрю Страшнаго Судію, благаго моего Бога же и Владыку, Его же прогнѣвахъ; и како осужденія могу избѣжати, и получитьи мало мѣсто покоя. Вторая же: да како васъ оставлю здѣ плавати въ широцѣй сей житейстѣй пучинѣ, въ тревоженіяхъ сихъ не океанскихъ, но адскихъ, преглубокихъ сихъ и злослютныхъ, многопрелестныхъ и многообразныхъ? Увы мнѣ, горе мнѣ, лють мнѣ! Какое восплачу? како возрыдаю? кого помощника призову? кому васъ оставлю? кому прикажу? кто

вамъ поможетъ? кто васъ накажетъ? кто утѣшитъ васъ въ скорбѣхъ и напастѣхъ? кто спасенію вашему споспѣшитъ? кто хранитель дѣвству и чистотѣ вашей будетъ? кого присмотрителя и вашимъ печалѣмъ сообщника оставлю? Точію Того самаго Христа, Бога нашего, и рождшую Госпожу нашу и Владычицу, хранительницу и помощницу во всѣхъ напастѣхъ и скорбѣхъ. Къ Той прибѣгайте всегда, у той помощи просите».

Въ заключеніе Петръ Прокопьевъ еще разъ вспоминалъ о себѣ и просилъ молиться за него. «Пролейте же слезы своя теплыя ко Пречистѣй и Препоблагословеннѣй Владычицѣ нашей Богородицѣ, да предстанетъ ми, и поможетъ, и избавитъ мя отъ сихъ лютыхъ, и немилостивыхъ истязателей, хотящихъ убогую мою душу въ бездну погибели низринуть; да не отринетъ мои худыя и студеныя молитвы; да вспомнитъ мое моленіе о семь времени горькомъ... Въ самый же той часъ исхода души моя окаянныя прилежнѣйше мольбу прострите, и иныхъ умолите молиться помощіи ми, самое то нужное время, требующее помощи. И въ той день отшествія моего отъ васъ, и во второй, и въ третій паче, въ девятый же и четыредесятый, потрудитесь во псалмѣхъ и поклонѣхъ, и панахиды обычныя, въ подобающіе дни, и во вся 40 дней поминовеніе и молитву потщитесь совершити о убожѣй душѣ моей, да милостивый Богъ и всещедрый изліяетъ свою милость, проститъ вся моя беззаконія, яже къ Нему согрѣшихъ вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ, въ словѣ, и дѣлѣ, и помышленіи, и учинитъ душу мою на мѣстѣ веселія, и прохлажденія, со избранными своими»⁴⁷⁾).

Изложенныя наставленія Петра Прокопьева вполне подтверждаютъ извѣстную мысль, что самымъ труднымъ для разрѣшенія и проведенія въ жизнь вопросомъ для поморскаго раскола былъ вопросъ о бракѣ и безбрачїи. Требуя отъ всѣхъ членовъ своей общины жизни строго дѣвственной, поморскій расколъ на каждомъ шагу встрѣчался съ нарушеніемъ этого правила. Выговское мужское и Лексинское женское общежитія были основаны и организованы на началахъ чисто монастырскихъ. Слѣдовательно, дѣвственная жизнь была безусловно обязательною для всѣхъ членовъ этихъ общежитій. И однако нарушенія дѣвственности здѣсь были такъ часты и такъ обычны,

⁴⁷⁾ Рукоп. Румянцевскаго музея, № 2552, лл. 151—160, ср. Рукоп. И. П. Б. Q. XVII. лл. 195—200.

что о нихъ никогда нельзя было забывать. Отсюда постоянныя указанія на этотъ счетъ въ Выговскихъ и Лексинскихъ «правилахъ», постоянныя напоминанія и наставленія и въ частныхъ посланіяхъ на Выгъ и Лексу. Жители Выга и Лексы, по имени «иноки» и «инокини», не были таковыми по своимъ убѣжденіямъ. Здѣсь поселялись лица, совсѣмъ не чувствовавшія расположенія къ монашеской жизни. А между тѣмъ, требуя отъ всѣхъ послѣдователей раскола проводить жизнь безбрачную, доктрина поморцевъ проповѣдывала, что лишь безбрачная жизнь отвѣчаетъ условіямъ переживаемого времени, когда истиннаго священства на землѣ нѣтъ и заключать законный бракъ некому. Столкновениями требованій этой доктрины съ проявленіями жизни и вызывались наставленія, подобныя тѣмъ, какія встрѣчаемъ въ посланіяхъ на Лексу Петра Прокопьева.

Намъ извѣстно еще привѣственное поздравленіе на Лексу—Соломоніи Денисовой по случаю дня ея рожденія. Писано оно какимъ-то «недостойнымъ» 2. 4—ымъ и относится къ 1729 году. Соломонія проходила на Лексѣ разныя «службы», начиная съ «установщика». Въ данномъ «поздравленіи» она именуется «киновіархомъ» и «эклісіархомъ», «почтительнѣйшею госпожею», «ея превосходительствомъ».

«Азь, убогій,—говоритъ авторь,—аще видѣніемъ — за недостойнство мое—видѣти и не сподобихся, но обаче слухомъ моимъ во всѣхъ сихъ благопробывательну тя слышу. И того ради веселымъ веселіемъ сердце мое веселю, яко ты отъ всечестнѣйшаго дѣвическаго постническаго лика кановіархъ въ толико пречестнѣйшемъ благополучіи день рожденія твоего видѣти сподобилася еси... Бѣгутъ къ тебѣ сестры, яко птицы къ морю; спѣшатся старцы, яко елень къ источнику; влекутся старицы, яко лозіе къ оплоту; предстоятъ предъ лицемъ твоимъ искренніи твои, яко свѣщи предъ одромъ; вси, яко братстія, тако окрестніи жителіе весьма о здравіи твоємъ плещуть, вси радостная вопіють, вси торжественная восклицають... Радуется новосозданная Крестная обитель... веселится молитвенный Воздвиженія храмъ... смѣются новосозданніи молчальницы... торжествуютъ настоятели... веселятся иноцы... ликують старцы... тимпанствуютъ церковніи клирокини... играютъ соборніи дѣвы... веселятся послушницы... не чуютъ скорбей своихъ больничніи... радуются сердоболи... веселятся сродницы, ли-

кують туземцы, скачуть въ веселіи знаеміи, яко красота, слава, удобреніе, и веселіе... благопробывательствомъ сіяеть». Даже «сладостно шумять вся Вигорѣцкой пустыни дравіе, веселіемъ плещуть рѣки, радостію волнуются озера, цвѣтоносіемъ блистають дубравы, тихостію юхають междорамія, яко тебѣ, толико добродѣтельную постницу, въ своихъ нѣдрахъ стяжати сподобишася, и вси въ почтенномъ тогда рожденіемъ твоимъ торжествѣ обрадованно послаша, и нынѣ въ настоящемъ твоємъ благополучіи весело шумять».

Присоединяясь къ такому торжеству, авторъ писалъ привѣтствіе и съ своей стороны. «Что же азъ, всенижайшій, къ толико тебѣ высочайшей Крестнаго дѣвическаго совокупленія киновіархѣ, церковнаго же онаго всеразсудительнѣйшій епископъ, о томъ преславномъ рожденія твоего торжествованіи вѣдати начну? Ибо желаніемъ моимъ весь разгораюся къ высокому твоему превосходительству; недостойнство же мое связуетъ ми ногу непоступку до перваго степени». Избѣгая, многословія, по словамъ автора, онъ «любовію, вѣрою и говѣніемъ цвѣтущее сердца» своего «усердіе представляетъ днесъ чрезъ сіе, начертанное предъ почительнѣйшею персоною» Соломоніи. «Благоволи же, всепочтеннѣйшая госпоже, почтеннаго ради рожденіемъ твоимъ дне, милостиво пріяти сіе рабское кратчайшее начертаніе»...

Въ концѣ привѣтствія авторъ жаловался на то, что Соломонія прекратила съ нимъ всякую переписку. «Нынѣ же,—о, моя бѣды!—не вижу отъ тебе,—о, моя госпоже! — никогда же толикихъ ко мнѣ теплоувѣщательныхъ сладчайшихъ привѣтствованій и всеполезнѣйшихъ бесѣдъ и наказаній. И убо не просто жалость твоя отъ моего невѣжества отыде... Тѣмъ же прошу веепокорно ваше премноее милосердіе, о, многомиловая утроба: да благоволишь ваше высочайшее щедротство помиловати недостатки моя своимъ милосердіемъ и удостоити мя въ первое жалости твоея наслѣдіе. Готовъ бо есмь отселѣ сердцемъ моимъ повиноватися заповѣданіямъ твоимъ, тая бо мя ко Христу ведутъ. Всерадостнаго же ради здравія твоего, въ тезоименитомъ ти дни полученнаго, не возгнушайся пріяти убожества моего внутрь сердца твоего, и неусрамися поношенія моего, наложеннаго на мнѣ гнусными дѣлы моими, поминая реченное: друга заступати не срамися, и отъ лица его не скрывайся»⁴⁸⁾.

⁴⁸⁾ Рук. И. П. В. Q. XVII, 48, лл. 67—72.

Изъ даннаго посланія видно, что Соломонія Денисова пользовалась большимъ почтеніемъ въ Поморскихъ скитахъ и прежде всего въ Выговской пустыни, и нуждавшіеся въ ея помощи всегда старались всячески заискивать ея расположеніе.

П. Смирновъ.

Лексинская безполощинская пустынь въ первое время ея существованія *).

IV.

„Статьи“ 1731 года.—„Предѣлъ постницамъ на службахъ“.—Общее заключеніе.—Ивановскій праздникъ.—„Коровій дворъ“ на Выгѣ.

ВСѢ вышеизложенныя «правила» сначала для женскаго отдѣленія Выговскаго общежитія, а потомъ—для Лексинской пустыни были даны въ то время, когда главнымъ настоятелемъ Выговской пустыни былъ извѣстный Андрей Денисовъ. Но мы имѣемъ два подобнаго же рода памятника, относящіеся ко времени настоятельства преемника Андрея—брата его Семена Денисова. Одинъ изъ этихъ памятниковъ имѣетъ дату написанія его—1731 годъ, а въ другомъ есть помѣтка, что памятникъ этотъ писанъ «съ письма Семена Діонисовича». Первый имѣетъ такое надписаніе: «Лѣта отъ мірозданія 7240, декабря въ день, Выгорѣцкія киновиі старцы и совѣщатели, съ братією старѣйшею, общекупно присовѣтованомъ въ постницъ обители, для благочиннаго и вѣщаго поступанія къ пустынному удобренію, симъ сохранятися статьямъ», причемъ слѣдуютъ самыя «статьи», числомъ 13-ть.

1. «Еже всякому имѣнію, обрѣтающемуся у нихъ, си есть: одеждамъ и обуцамъ, покрываломъ, и прочимъ, въ вѣдѣніи своихъ имъ казначеевъ быти, да вся сія казначеи ихъ вѣдали бы, и письменны въ книгахъ объявленны показывалися, а не объявленнаго ничего бы не было».

2. «Еже отъ своихъ сродныхъ, или знаемыхъ, даемая имъ, аще одежды или обуци, аще крашенины или точива, или ино

*) Окончаніе. См. февраль.

что, объявляти своимъ казначіямъ безъ утаенія, а казначіямъ въ книгу записывать подъ оныхъ статью».

3. «Еже постницамъ денегъ у себя не держати въ келіяхъ и въ ковчехахъ; аще ли кто имъ отъ своихъ принесетъ деньги на нужду, то, взявшимъ имъ, относити опредѣленному на сіе отъ нихъ казначею и отдавати; а оному, пріемшу, записывати; и когда потреба будетъ имъ чесога къ житію, исполняти по опредѣленію».

4. «Еже постницамъ въ своихъ келіяхъ св. иконы, аже имѣють, въ новоокладахъ, сребренныхъ и позолоченныхъ, не сострояти, и у христіолюбцевъ на сіе не просити; аще имѣетъ кто усердіе о семъ, въ церковь да творитъ и церковныя иконы да украшаетъ, яко можетъ и воить».

5. «Въ постницахъ одежды да будутъ простыя, отъ суконъ простыхъ черныхъ и крапешинъ; а китайчатыя, и киндочныя, и бомбарекковыя, и иныя однорядочныя, и яренковыя, и прочія подобныя: таковыя одежды въ постницахъ никогда же да явятся, и держати ихъ отнюдь запрещено да будетъ всякому лицу; токмо треушки, по обычаю, китайчатыя черныя да творять».

6. «Еже у шубъ постницъ пухи бобровыя, выдряныя и прочіе, подобныя никогда да будутъ, но обычныя овчинныя, сличныя пустынному житію и общежительному благочинію».

7. «Дабы у дѣвческаго чина перевязки были черныя, смиреннаго обычая, и покрывала не шолковыя, но простыя, и гойтаны у одеждъ черныя вишневыя, а не красныя, зеленые, и желтыя, неприличныя пустыннымъ обрядамъ».

8. «Еже кружевъ и плетеній вязбенныхъ, и прочихъ не потребныхъ украшеній, въ постницъ предѣлахъ отнюдь не дѣлати, ниже покупати, подъ запрещеніемъ».

9. «Еже постницамъ чужихъ и странныхъ животовъ въ сохраненіе не пріимати, кромѣ благословенія настоящихъ».

10. «Еже въ окрестныя жилища постницъ не отпущати, для гостыбы и свиданія своихъ, никогда же, кромѣ смертнаго случая, или ины нѣкія вины благословныя».

11. «Аще которыя вновь будутъ въ братство пріиматися женска пола, и аще объявятъ у себя денегъ колико, или сребра: сихъ имъ не оставляти, но въ казну все обирати; аще ли же одежды и обувь, токмо казначіямъ тамошнимъ въ книги записывать сія именно».

12. «Еже въ міръ,—въ волости и грады, къ своимъ, или

для иныя нужды, постницъ весьма не отпущати никакоже, но быти имъ неисходнымъ отъ своего жилища. Аще ли кая неотреченная нужда киновійская явится, тогда общимъ совѣтомъ полезная избирати».

13. «Еже постницъ изъ монастыря не изгоняти для каковы ли бо вины, скитатися не попускать въ позоръ и поношеніе всенародное. но внутрь обители смиряти, яко подобаеть».

Заканчивалось это постановленіе Выговскаго «собора» такимъ примѣчаніемъ: «сія вышеобъявленная опредѣленія, какъ настоятелемъ, такъ и прочимъ надзирателемъ, хранити неизмѣнно».

«Опредѣленіе» подписали слѣдующія лица: старецъ Пафнутій, старецъ Θεодосій, Даніилъ Викуловъ, Семень Денисовъ, Лука Θεодоровъ, Даніилъ иконникъ, Мануилъ Петровъ, Иванъ Филиповъ, который подписался и за Захарія Степанова, Кирилль Максимовъ, Автономъ Семеновъ ³³).

Второй памятникъ носить такое заглавіе: «Предѣлъ постницамъ на службахъ: како имъ на трудахъ, съ обрѣтающимися при нихъ стариками, трудовъ нужность и благочиніе имѣть». Всего въ этомъ «предѣлѣ» 10-ть статей.

1. «На трудахъ будучи постницамъ, аще кая нужда случится подѣлки, доносить своей надзирательницѣ, и она возвѣститъ старостѣ, который въ старикахъ начальный, и тако дѣло управится».

2. «Аще случится платить что, обуцу какую, отдавать надзирательницѣ; и она отдаетъ плачельному старику, и управивъ оное, паки отслетъ или отнесетъ ко оной, или на мѣсто опредѣленное отнесетъ и положить».

3. «А сами постницы не имутъ власти отдавать платить, ниже сами десятиціе да дерзнуть, еже отдавать старику обувь, развѣ которому десятицкому повелѣно будетъ отъ большихъ; также и старикъ не имать власти мимо надзирательницы приимати обувь, или отдавати постницамъ; дерзающія же подъ запрещеніе обои подпадаютъ».

4. «Аще которая общая подѣлка въ келіи у постницъ, или въ поварни, случится починить, то возвѣщать большухѣ, и она

³³) Рукоп. И. П. В. Q. 1. 1065, лл. 77—80.

возвѣститъ начальному старику; а дѣлать, или починивать не во время стряпни,—когда постницы, неприлично сіе, но когда отстряпаются и уберутся въ своя предѣлы, тогда дѣлать при старѣйшихъ постницахъ.

5. «Также аще случится въ кибиткахъ починка, да просить большуху и, когда починивать—большуха да осмотритъ прилежно, чтобъ съ кибитки всѣ постницы выбрались, и никого тамъ не было, тогда пустить старика починивать спорченное».

6. «И се надзирательницѣ смотрѣть крѣпко: еже постницамъ докучати старикамъ дѣлать ковшики, или ложки, или посошки, про себя, отнюдь не попускати, но весьма крѣпко запрещати. А которыя дерзнуть, у тѣхъ сдѣланныя вещи отымати всячески, самѣхъ же соборнѣ наказывать—поклонами, неяденіемъ, и прочими приличными запрещеніями».

7. «Также и всѣмъ постницамъ возвѣститъ, какъ десятицкимъ, тако и рядовымъ: дабы на единѣ со стариками бесѣдъ и разговоровъ никогда же дерзали имѣти, а дерзающія сія попадутъ запрещенія томленію».

8. «Аще ли же кому нужда будетъ возвѣстити начальному старику и на единѣ какое слово: при всѣхъ, мало отведши, еже другимъ не слышати, и тако творить бесѣду, а инако никогда же ни единая дерзнетъ».

9. «Сія вся въ постницахъ надсматривати надзирательницамъ и большухамъ накрѣпко, а десятицкимъ помогати; а въ старикахъ начальному старику и прочимъ такожде соблюдательно смотрѣти и совѣтовати; непослушающихъ же запрещати неослабно, и наказывати по вышеписанному предѣлу».

10. «Аще ли же надзирательницы, или большуха которая, въ постницахъ попуститъ кому преступити, или безчиніемъ коимъ вышеописанное развратить,—сама наказана будетъ отъ собора подобнѣ, якоже оныя; также и кой начальный старикъ, аще таковая попуститъ, или самъ таковая преступитъ, такоже отъ собора приметъ жестокое запрещеніе» ³⁴).

Таковы опредѣленія, какія были назначены въ руководство насельницамъ Лексинской пустыни,—разные «чины, статьи предѣлы». Изъ нихъ мы можемъ легко видѣть, что въ періодъ настоятельства на Выгѣ Андрея и Семена Денисовыхъ прила-

³⁴) Рукоп. И. П. Б. Q. 1. 1065, лл. 80 обор.—82.

гались всѣ старанія къ тому, чтобы организовать и упорядочить жизнь женскаго отдѣленія этой пустыни, существовавшего сначала на рѣкѣ Выгѣ, а потомъ отдѣльно—на рѣкѣ Лексѣ. Но легко можно видѣть и то, что дѣло здѣсь какъ-то не ладилось. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ вызывалось появленіе новыхъ «правиль», представлявшихъ большею частію повтореніе старыхъ? Очевидно, тѣмъ, что старыя правила скоро забывались и требовали новаго напомниманія. Затѣмъ, нельзя не обратить вниманія, что всѣ «чины» и «статьи» имѣли въ виду исключительно внѣшнюю сторону жизни руководимыхъ и касались ея мелкихъ сторонъ и вещей неважныхъ. Очевидно, духовное совершенствованіе человѣка, внутренняя жизнь членовъ Лексинской общины ставилась въ зависимость отъ исполненія условій этой внѣшности. Одно только бросается въ глаза, это—стремленіе установить жизнь цѣломудренную, чѣмъ обуславливались всѣ правила, касавшіяся сношеній женщинъ съ мужчинами. Однако и эти требованія проводить жизнь строго дѣвственную членами Лексинской общины часто нарушались. Этимъ и объясняются всѣ дальнѣйшія подтвержденія ранѣе изданныхъ «правиль». Въ позднѣйшихъ «правилахъ» часто встрѣчаются повторенія того, что было установлено «правилами» раннѣйшими. Это повтореніе и подтвержденіе «старого» вызывалось именно тѣмъ, что существовавшія «правила» не хранились: были забываемы и нарушаемы. Въ частности, тоже самое нужно сказать и относительно «правиль» собственно о дѣвственной жизни. Самъ архиктиторъ Выговской пустыни Андрей Денисовъ своими посѣщеніями Лексинской пустыни подавалъ большой соблазнъ. Разказовъ о поведеніи Денисова на Лексѣ передавалось не мало. Между прочимъ, вопреки «правиль», которыя предъявлялись всѣмъ насельникамъ Выговской пустыни и насельницамъ Лексинской пустыни,—Денисовъ построилъ на Лексѣ на имя сестры Соломоніи большую келію, «многіе покои имущую, теплые и холодные»; при этой келіи имѣлась «потаенная баня». Для чего все это дѣлалось, разказы объ этомъ ходили нехорошіе. Точно также Данииль Викуловъ построилъ въ Лексинской пустыни своей дочери Анастасіи такую «келію», которая имѣла до 30-ти дверей и до 50-ти оконъ, и жилъ въ этой «келіи» самъ съ своею «келейницею»³⁵⁾.

³⁵⁾ Извѣщеніе праведное, стр. 72—74. Ист. Выгв. пустыни, стр. 207.

Особенный наплывъ посѣтителей на Лексу совершался лѣтомъ, особенно къ 24 іюня, когда торжественно праздновался праздникъ «Ивановскій». Даже въ первое время существованія Лексинской пустыни на Ивановскій праздникъ стекалось не менѣе 2000 человѣкъ обоого пола. Въ это время здѣсь совершалось крещеніе младенцевъ и перекрещиваніе взрослыхъ ³⁶).

Отдѣливъ женскій полъ съ Выга на Лексу, выговцы оставили часть женщинъ и на Выгѣ,—не въ томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ здѣсь женскій полъ прежде, а въ другомъ—«за горкою», близъ Выговскаго кладбища, разстояніемъ отъ Выговскаго мужского общежитія не болѣе одной четверти версты. Здѣсь построили челядню, портомойную, молошницу и «кели жировыя»; около «келій поставиша ограду, и у воротъ приворотную келію, для прихода и свиданія сродственниковъ, и для всякихъ братскихъ нуждъ приходящихъ», и поставили «приворотницъ, и надсмотрщиковъ, и караульчиковъ, по чину». Здѣсь останавливались прїѣзжавшія Лексинскія насельницы. Мѣсто это было извѣстно подъ именемъ «коровьяго двора» ³⁷).

V.

Частныя посланія на Лексу и съ Лексы: три Даніила Викулова, три „слова“ и два посланія Андрея Денисова, два посланія Петра Прокопьева.—Поздравленіе Соломови Денисовой.

Какъ мы видѣли, на Лексу ходили съ Выга наблюдать за здѣшними жителями слѣдующія лица: Даніиль Викуловъ, Андрей Денисовъ, Петръ Прокопьевъ и старецъ Пафнутій. Даніиль и Андрей участвовали и въ составленіи «правиль» для Лексы. Кромѣ того, отъ Даніила, Андрея и Петра сохранились еще частныя посланія на Лексу.

Намъ извѣстны три посланія Даніила Викулова, изъ коихъ одно озаглавляется такъ: «О неблагочинныхъ дружбахъ». «Тяжкогрѣшный Даніиль» писалъ «дѣвственному сословію»: «Возвѣщаю и молю, вкупѣ же и заповѣдаю симъ писаніемъ всѣмъ вамъ, паче же юнѣйшимъ дѣвамъ», что должны быть оставлены возникшія среди Лексинскихъ насельницъ «неблагочинныя дружбы». «Ввыкли во многихъ васъ... двоедружества нѣкія: бесѣдовати двѣма; и водитися тако... поити двумъ;

³⁶) Извѣщеніе праведное, стр. 112. Раск. дѣл. XVIII вѣка, 1, стр. 376.

³⁷) Ист. Выговской пустыни, стр. 135—136. 261.

сближаться двумъ; отвѣтъ какой вѣщшей дати—посоветовать о томъ вкупѣ; почитію быти у двоихъ вмѣстѣ, или спати вкупѣ на единомъ одрѣ, во единомъ положу; и въ молитвенное время: послѣ навечерни; или въ ноци глубокой промолвить, или пошептаться токмо съ тѣми купноспальницами; у нихъ, слышится, водится: умыванія тѣлесная, предсланія мягкочествуемая, подношенія рукоубрусныя бѣлыя, вода—къ умовенію рукъ и лица; кая художество шитное имать, платокъ украсить потаеннѣ отъ набольшія; такожде другая ищетъ времени щелоку сварити ко умовенію; или нозѣ разути, или обути; или воды на руцѣ поліяти съ предстояніемъ платочнымъ, и прочее». Дѣлая замѣчаніе по поводу указаннаго «обычая», Даніилъ Викуловъ писалъ: «Еда отъ такихъ—двѣма въ дружбѣ быти—обычаевъ, странныхъ общему спасенному житію, не будетъ тщеты? Еда не помрачится боголюбиваго ума око? И еда не отпадаетъ сладость будущихъ надеждъ»? Отвѣчая на эти вопросы, Даніилъ Викуловъ писалъ, что Писаніе не повелѣваетъ не только «дотрогиваться до другого тѣлеси», но и «наготу обзирать», чѣмъ давалось осужденіе существовавшимъ на Лексѣ «порядкамъ».

На полѣ нашей рукописи значится, что она представляетъ копію съ «собственной руки Даніила Викулова»³⁸⁾.

Второе посланіе Даніила Викулова было адресовано инокинѣ Пелагіи, вѣроятно вышеупомянутой сестрѣ Захарія Стефанова.

Насельницы Лексы просили Даніила побывать у нихъ. Даніилъ отказывался исполнить это,—просто потому, что ни Петра Прокошьева, ни кого либо другого «отъ вѣщшихъ» въ Выговской пустыни въ то время не было.

Затѣмъ Даніилъ напоминалъ о томъ, что было сдѣлано имъ «въ прошолѣтіи». Тогда онъ, далъ наставленіе «безвременныя и неспасающія дружбы разорити»; это «подтверждали съ зельнымъ прещеніемъ» потомъ Андрей Денисовъ, и отецъ Пафнутій. Но «дымъ буйнаго того, не вѣмъ—какого, любожеланія и до нынѣ не выкурился, и корень такого безстрашія еще не исторгается... и душевредія таковы паки прозябають». И вотъ послѣдствія этого: для «приходящихъ пустынножитель-

³⁸⁾ Рукоп. И. П. В. Q. 1. 1065, ал. 26—30.

ницъ поглядати благочиніе» Лексинскихъ насельницъ, по словамъ Даніила, нѣтъ никакой пользы: «пользы душамъ ихъ не обрѣтается отъ васъ, а иное усмотряется,—обнаженіе зазора, вмѣсто полезныхъ—соблазнъ и претыканіе». По словамъ Даніила, стали говорить уже такъ: «не знать, како приходить стало въ дѣвическу обитель,—подъ началомъ живутъ, а невѣдомо что дѣлаютъ; коимъ грамотки навязываютъ посылать къ сестрамъ монастырскимъ; а инии къ стороннимъ посылаютъ», причемъ «заказываютъ, прежде врученія посылки, никому бѣ не пронести; а инии пазущные гостинцы навязываютъ, также бы тайно отнести; и знать-де, что безъ благословенія таковыя зачинанія. И не знать, какъ дѣлать: послушать таковыхъ посылщицъ—како бы отъ большаковъ не пострадать чего, а не послушать—ино отъ тѣхъ приступу не будетъ». Такъ описывая существовавшіе на Лексѣ «порядки», Даніиль добавлялъ: «и вамъ бы, мать, съ уставщикомъ и еще съ нарочито иными, при комъ доведется, пишущихъ дѣвъ, кои лѣтомъ симъ обители придержалися, и кои вновь жительницы молодья... о такихъ неблагословенныхъ дерзостяхъ потонку накрѣпко распросить, и розыскать, къ кому кто писалъ, и какъ было, и о чемъ писано или послано, и для чего—какого ради залогу, какимъ извѣтомъ, и съ чьего кто совѣта, или благословенія? И кто въ чемъ приличится, въ томъ и тоя рѣчи и записать такъ. А буде кто къ Денисьевичу, или къ намъ, для извѣщенія духовнаго, или къ Прокопьевичу писали, тѣхъ въ вину не полагать, и не записывать. А по допросной запискѣ и цѣльба приложить, чего доведется... А впредь бы, съ сего числа, молодымъ писицамъ, и всѣмъ, заказъ учинить крѣпкой, чтобъ безъ доклада ввѣреницъ своихъ къ другинямъ отъ другихъ, или отъ себя, ничего бы ни кому не писали, и гостинецъ никто не посылали бѣ тайно, и ввѣреницамъ отъ того и самимъ облюдатися, и такихъ безчинныхъ волю не попускати; а въ недоумѣнныхъ вещьхъ вамъ бы докладъ приносить»³⁹⁾.

Въ разсматриваемой нами рукописи есть замѣчаніе, что она представляетъ копію «съ собственной руки Даніила Викулича». Писано это посланіе еще при жизни Петра Прокопьева, умершаго 25 апрѣля 1719 года.

Третье посланіе Даніила Викулова въ рукописи надписывается такъ: «Любезнаго отца и учителя Д. В. увѣщаніе

³⁹⁾ Рукоп. И. П. Б. Q. 1. 1065, лл. 48—51.

послѣднее». Даниилъ Викуловъ умеръ 12 октября 1733 года. Если данное «увѣщаніе» называется «послѣднимъ», то писано оно было, очевидно, не задолго до этого времени. «Увѣщаніе» предназначалось, прежде всего, конечно, мужскому отдѣленію Выговскаго общежитія, а потомъ—безспорно и женскому, бывшему на Лексѣ.

«Чего отъ мене желаете?»—спрашивалъ Даниилъ Викуловъ, начиная «увѣщаніе». «Злата, или сребра? Но оно есть тлѣнно и мимотекущее... вскорѣ погибаетъ... Ризъ ли драгихъ и многоцѣнныхъ желаете? Но ризы скоро растлѣваются: аще вмалѣ человекъ украшаютъ, но потомъ ни во что бываютъ. Не ризы тлѣнныя человекъ украшаютъ, но житіе добродѣтельное: смиреніе, кротость, и чистота душевная и тѣлесная. Или славы міра сего желаете насладиться? Но слава міра сего маловременная есть, и скоро переходитъ, и ни во что обращается, и погибаетъ. Но аще кто потщится стяжати страхъ Божій, кротость, и смиреніе, воздержаніе, и истинное покаяніе, то есть самая истинная слава и честь человекъ, которою получить возможетъ будущую вѣчную славу. Се есть красота человекъ, се есть богатство негибнущее: житіе добродѣтельное, житіе боголюбезное, житіе воздержательное, жизнь благопокорная! Сего вы желайте богатства, сію восхищайте славу, симъ укращайтесь благолѣпіемъ!» Въ заключеніе Даниилъ оговаривался: «Хотѣлъ было и много глаголати вашей любви, но сила моя изнемогаетъ, и уста пресхоша,—языкъ вѣщати не попускають. Тѣмъ же молчати паче, неже глаголати понуждаюсь, и отъ всѣхъ конечнаго прошу прощенія»⁴⁰).

Таковы посланія Даниила Викулова на Лексу, характеризующія отношенія къ насельникамъ Лексинской пустыни Выговскаго киноіарха.

Еще болѣе дѣятельное участіе въ организаціи жизни на Лексѣ обнаружилъ Выговскій архиктиторъ Андрей Денисовъ. Сохранилось, во первыхъ, два его «слова», произнесенныя въ Лексинской пустыни, затѣмъ—«слово» нѣкоей старицѣ Аннѣ, наконецъ—два посланія, писанныя на Лексѣ. Остановимся прежде всего на двухъ названныхъ «словахъ», произнесенныхъ въ Лексинской пустыни.

Первое «слово» сказано на текстъ изъ посланія къ Гала-

⁴⁰) Рукоп. Олонецкой семинаріи № 1691, гл. 21.

тамъ: «Мнѣ же да не будетъ хвалитися токмо о крестѣ Господа нашего Исуса Христа». Оно было произнесено въ праздникъ Воздвиженія креста Господня, по имени каковаго праздника называлась и самая Лексинская пустынь «Крестною».

Прежде всего Денисовъ объяснялъ, почему онъ взялся произносить «слово» въ праздникъ Воздвиженія креста. «Якоже премудрый нѣкій воевода, и храбрый, предъ полкомъ воиновъ своихъ предходя, возвышая сильное и врагамъ страшное оружіе, имъ же враги утрашая и отгоняя, воины же своя храбры и мужественны творя, и острѣйшимъ оружіемъ и чиннымъ полковоженіемъ враги ратовати научая,—сиче Павель, сосудъ избранный, храбрый воевода церковный, премудрый полководецъ христіанскій, многорачительный учитель чловѣкомъ, вооружая Христовы воины, ополчая христоименитые оруженники, ратовати на діавольскія полчища научая, побѣждати адскія силы наказуя, предходя предъ полкомъ всѣхъ христоименитыхъ, показуя всѣмъ крѣпкое Христово оружіе, являя неодолимую побѣду на борющіе ны демоны, вопіеть ясно, возглашаетъ мужественно: мнѣ, рече, да не будетъ хвалитися токмо о крестѣ Господа нашего Исуса Христа. Елма убо животворящаго креста Воздвиженіе праздникъ возсія намъ днесь, праздникъ свѣтель и радостень, церковное утверждение, и всѣхъ христіанъ удобреніе,—тѣмъ же и мы, грубіи, вашей любви, люботруднымъ, и въ послушаніи рачительнымъ, и крестнаго торжества любительнымъ, о пользѣ сего крестнаго праздника, въ утѣшеніе слово приносимъ днесь. Ибо самъ Господь нашъ Исусъ Христосъ даде намъ преславное сіе оружіе, и симъ оружіемъ все діавольское полчище побѣждати дарова намъ, по гласу церковному, глаголющему: Господи, оружіе на діавола, крестъ Твой даль еси намъ: трепещеть бо и боится, не могій взирати на силу Его».

Потомъ Денисовъ изображалъ значеніе креста по отношенію ко всякому христіанину. «Чесо ради всеражайшо, и вселадчайшо, и вселюбезно намъ есть оружіе крестное? Яко Христомъ Спасителемъ данное. Яко вся вѣрныя утверждаетъ. Яко бѣсовскія четы прогоняетъ. Яко цѣлуемо—боголюбивые освящаетъ. Яко знаменуемо—вооруженны и крѣпки немощныя творить. Яко носимо на себѣ—вслѣдъ Христа шествовати помогаетъ, и царствія небеснаго достигнути дарствуетъ, по священному Спасову гласу: аще кто хоцетъ вслѣдъ Мене иди, да возметъ крестъ свой и послѣдуетъ Мнѣ». Сила креста Христова такова:

«Сій крестъ святой воспримше, апостоли вселенную въ бого-разуміе приведоша. Симъ крестомъ вооружившися, мученики и мученицы, яко храбрїи воины, діавола и мучителей преодолѣша. Крестомъ пустынники и пустынницы возмужившися, вся бѣсовскія четы побѣдиша. Крестомъ вооружившися, вси боголюбивїи любезно добродѣтельный путь пройдоша. Крестною силою дѣвственницы дѣвство, постницы постъ, подвижницы подвигъ, молитвенницы молитвы, послушницы послушаніе, милостивїи милосердіе, и прочія вся добродѣтели, въ крестномъ терпѣнїи, и твориша, и соблюдоша, и сохранени быша... А иже отчуждившіеся крестнаго благочестїя и отлучающїеся крестнаго огражденїя колико неблагополучни бѣднїи, колико несчастни страстнїи!.. Иже слабости ради не возмуть креста святаго на себя носити, сего ради не могутъ быти ученицы Христовы, по Христову евангельскому словеси: Аще кто не носить креста своего и вслѣдъ Мене грядеть, не можетъ быти мой ученикъ. Иже истиннаго крестнаго знаменїя на себѣ не полагають, гордости ради или лѣности, и махаютъ сѣмо и овамо: сему маханїю, по Писанїю, бѣсы радуются. Чесо ради должно намъ всяко тшанїе показовати, да ограждени будемъ силою крестною».

Въ заключенїе Денисовъ призывалъ всѣхъ «ополчиться оружіемъ креста». «Вселюбно и всеусердно носимъ на себѣ крестъ Господень, въ терпѣнїи добродѣтельномъ того выну воздвижуще, и всюду со крестомъ бываемъ. Во всяко время оружіемъ симъ да ополчимся. Смотрище на распятїе Господа нашего, любовно сраспинатися въ терпѣнїи готови будемъ. Помняще вседражайшую кровь Господню, за насъ изліянную, да пребываемъ всегда очищени, и всякихъ мерзкихъ грѣховъ да бѣгаемъ, и всяку добродѣтель да возлюбимъ. И крестомъ вооружившися, діавольскихъ навѣтовъ не убоимся. Въ молитвахъ крестомъ подтверждаемъ... Дѣвственную доброту крестомъ соблюдаемъ... Постныя и нуждныя трапезы крестъ Христовъ да услаждаетъ намъ. Тако крестнїи подвижницы, со крестомъ Господнимъ пребывающе, возможемъ ученицы Христовы быти, и діавола побѣдити, и вслѣдъ Христа шествовати, и вѣчнаго пресвѣтлаго небеснаго царствїя достигнути о Христѣ Ісусѣ, Господѣ нашемъ, Ему же слава со Отцемъ и со Святымъ Духомъ, нынѣ и во вся лѣки, аминь ⁴¹⁾».

⁴¹⁾ Рукоп. Румянцевскаго музея (Ундольскаго). № 1252, лл. 136 об.—191.

Второе «слово» написано на текстъ: «Всякъ подвижаяся, отъ всего выдержится». Въ нашей рукописи, въ оглавленіи, это «слово» надписывается такъ: «Поученіе полезно подвижающимся о Христѣ постникамъ». Въ изложеніи «слова», дѣйствительно, есть обращеніе къ дѣвическому полку». Въ припискѣ къ другой рукописи сдѣлано поясненіе, что «слово» писано Андреемъ Денисовымъ — въ то время, когда Семенъ Денисовъ находился въ заключеніи въ «Орловой палатѣ», въ Новгородѣ. На этомъ основаніи мы думаемъ, что «слово» предназначалось для Лексинской пустыни.

«Предшлемъ вамъ,—обращался Денисовъ къ «дѣвственному совокупленію»,—гостительну трапезу, аще и отъ нашего грубоумія шлему, но апостольскою благодатію избрѣтену: есть брашно, подвижающимся утѣшительно, великодушествующимъ просвѣщательно, малодушествующимъ показательно, цѣломудрствующимъ украшеніе, воздержнымъ утверженіе, невоздержнымъ огражденіе. Великій Павелъ малыми сими глаголы великоблагодатно насыщаетъ христорачительныя души: всякъ, рече, подвижаяся, отъ всего воздержится». Кто такой «всякъ»? Тотъ, «кто во всякомъ чинѣ вчиненный, начальный и подначальный, пасущій и пасомый, учащій и учимый, славный и безславный, богатый и нищій, утѣшенный и печальный, здоровый и больной, старый и юный, мужеска и женска пола сый, иже не лежай во тѣмѣ грѣховнѣй, но подвижаяся шествовати къ свѣту небесному... Во всяко время, мѣсто и случай, яко нѣкое всездоровотворное пресладкое цѣленіе, воздержаніе имѣй: воздержаніе—всякаго злонашествія себе удержаніе, воздержаніе — желательнаго цѣломудрія содержаніе, воздержаніе — въ словесѣхъ умѣреніе; въ зрѣніи—цѣломудрое, въ слышаніи—разсудительное, въ сожитіи—мѣрное, въ срѣтеніи—благостыдливое; воздержаніе—въ пространствѣ не разліянное, въ скорби—благодарное, многопищія—удержаніе, малопищія—услажденіе; воздержаніе—въ кѣторахъ безотвѣтное, въ рокотахъ—молчаливое, въ горестѣхъ—услажденіе; воздержаніе — прекрасный обычай, благодатная красота, мироюханное сожитіе, пресладкое совеселіе; всѣмъ подвижающимся всетвердая ограда, всеблагодатное стяжаніе».

Изобразивъ величіе, красоту и силу воздержанія, Денисовъ далѣе характеризовалъ и невоздержаніе. «Возри же въ противостоятельное воздержанія, въ томительствующее невоздержаніе, еже любленники своя стыдливими красты окроп-

ляетъ, еже въ многопищихъ многоятежствомъ и чревообъяденіемъ почернѣваетъ, еже въ малопищихъ горестію и ропотомъ помрачаетъ; въ богатствѣ лихоимными и сладными потоки потопляетъ, а въ нищетѣ крадливыми и лжеплетеными нравы осмраждаетъ; въ безмолвіи уныніемъ и сномъ отягощаетъ; посредѣ челоуѣкъ многословными безчиніи и смѣхи смущаетъ; въ единомѣстномъ пребываніи печальными снѣдаетъ; въ прехожденіихъ же тмочисленными страстьми наполняетъ; еже въ здравіи похотѣными посмражаетъ; еже въ скорбѣхъ ропотами и борхотами помрачаетъ; еже сна и словесъ множество творить; еже молитвы и слышанія Писаній умаленіе дѣетъ; еже въ словесѣхъ безстыдное, въ обычаѣхъ многостроптивное, въ дѣлѣхъ непостоянное; поста—ненавидѣніе, чистотѣ—морвое повѣтріе, всякому добронравью—всетлѣющая невзгода».

Затѣмъ, обращаясь къ воздержанію, Денисовъ призывалъ его на Лексинскую пустынь. «Приди посредѣ, всекрасное воздержаніе, яви доброту свою дѣвическому полку, красно-воздержная весна».

Въ заключеніе Денисовъ обращался къ насельницамъ Лексинской пустыни и приглашалъ ихъ ревновать о воздержаніи. «Тако, добліи подвижницы,—писалъ онъ,—тако воздержанніи чертожницы, тако христуневѣщанный полче! Потщимся, возревнуемъ, возусердствуемъ. И се мало-мало: и минуетъ тлѣнное, и отверзется безсмертное; потаится земное, и покажется небесное; престанетъ маловременно льщеніе, и объявится вѣчное царствіе, его же воздержательныя нуждницы восхищаютъ; въ немъ же плачушіе богородицѣ утѣшаются; въ немъ же отреть Богъ всяку слезу чадъ Сіонскихъ; въ немъ же убѣлившіе ризы своя воздержнымъ терпѣніемъ вѣчно возликовствуютъ о свѣтлости Сіонствѣй; его же да не лишени будемъ, невоздержнаго душетлѣнія потщимся убѣжати; его же да получимъ, боголюбнымъ воздержаніемъ себе украсимъ и о самомъ Христѣ, Богѣ нашемъ, Ему же слава со Отцемъ и со Святымъ Духомъ, нынѣ, и присно, и во вѣки, аминь» ⁴²⁾.

«Слово» нѣкоей Аннѣ представляетъ собою привѣтствіе ей. Вѣроятно, это — та самая Анна, на имя которой, въ

⁴²⁾ Рукоп. Олонедкой семинаріи № 1691, гл. 12, ср. Рукоп. Румянцевскаго музея № 2555, лл. 191 обор.—196, ср. Рукоп. Румянцевскаго музея (Ундольскаго) № 1252, лл. 152 обор.—159.

1713 году были «изданы» особыя «правила» для Лексинскихъ обитательницъ.

Сначала Денисовъ воздавалъ «хвалу» пророчицѣ Аннѣ, дщи Фануилевѣ, отъ колѣна Асирова, которая, по Евангелію, присоединила свою хвалебную пѣснь къ пророчественной пѣсни Симеона. Какъ пророчицу Анну выдвинулъ Евангелистъ предъ всѣми, ей «стезоименными», такъ выдвигается и старица Анна, келарь Лексинской пустыни. «Что же начну вѣщати тебѣ, моей возлюбленной Аннѣ,—говорилъ Денисовъ,—которое въ похвалахъ моихъ дрожайшей главѣ твоей сплету вседражайшее вѣно? коими червлеными баканы вчермлю твою солнцеобразную доброту? понеже пришедый день сей принесе тебѣ славу твою; и торжество сіе владе тебѣ веселіе твое; и праздникъ сей восторжествова тебѣ радость твою; зане юже проповѣдуетъ евангельскій громъ, той ты купоименно сподобилася еси быти; юже премудрый апостоль Лука дивно напоминаетъ, той ты въ тезоименитство вочлася еси. И како сіе сладчайшее имя сладкими гласы похвалити возмогу? Понеже бо тое; яко дражайшій цвѣтъ, обрѣте себѣ мѣсто присною благовѣстія добротою выну юнѣтися въ Евангельскомъ Едемѣ. Но убо всеобрадованная, моя души всеобрадованный гласъ, привмѣтая въ чину днешняго твоего торжества, всевесело вопію: лѣпотствуй, о мой прекрасный цвѣте, на Выгорецкой пажити! Расти, предражайшее пшеничное зерно, на Заонежскихъ поляхъ! Ликуй, благородный родъ въ преславныхъ Олонецкихъ предѣлахъ! Красуйся, пресвѣтлая луно, въ блистательныхъ клеветства твоего звѣздахъ! Источай, благородія своего предобрія воды сладчайшія, утѣшенія моего рѣко! Изливай благочинія своего пресладкія соты, предражайшая, трудолюбивая пчело! Сыплися, прецѣнный мой бисере, въ драгій совѣта моего ковчегъ! Сіяй, мое пресвѣтлое золото, въ горѣ пресвѣтлыхъ твоихъ чертоговъ! Блистай, пребѣлое мое серебро, въ благородныхъ богатства твоего водахъ! Убѣляйся выну, благородный мой снѣже, на тайныхъ совѣта твоего пазухахъ! Умягчайся, мой пресладкій семидале, на столѣ радости твоея! Усвѣтлѣвайся, мой дражайшій измаргаде, во свѣтломъ торжества твоего вѣнѣ! Теци, мой златоструйный Ниле, по златопесчаному поздравленія моего брегу! Играй, тайнаго моего океана свѣтловодная волно, по крѣпкой совѣта твоего лудѣ! Усмѣхайся, мой чертоже, въ лѣпотѣ любосіятельныя твоея весны»!»!

«И таковыми радости мояя всевесельными гласы поздравивъ ты, прошу Вышняго Бога, да милостію Его возсіяетъ благородіе твое во всѣхъ твоихъ клеветѣхъ, яко солнце въ зѣздахъ; и здравіе твое предъ всѣми возвеселится, яко юнѣющій орелъ предъ птицами; и могутство крѣпости твоея да возрабрствуетъ надъ немощми, яко исполинъ надъ супостаты; и радость твоя да отженеть отъ тебе вся печальныя скорби, яко левъ лютыя рыси; и лѣта твоя да умножатся въ число песка морскаго; и богатство твое да усугубится ти мѣрою морскія пучины; и честь твоя да возвысится во всѣхъ, яко луна въ небесныхъ поясѣхъ; и любовь твоя да изліется въ мою жалость, яко высочайшая рѣка въ морской понтъ. И тако вся тиха, весела и здрава; вся благополучна, многолѣтна и душеспасительна; вся любезна, совѣтна и всепривѣтлива пребывающе во вѣки, буди, радостная, аминь» ⁴³).

Изъ приведеннаго мѣста даннаго «слова» видно, что оно писано по поводу какого-то «праздника», какого-то торжества.

Изъ посланій, писанныхъ Андреемъ Денисовымъ въ Лексинской пустыни, намъ извѣстно два: одно относится къ 1719 году, другое—къ 1721. Первое было адресовано «отъ Воздвиженскія Лексы на Боръ,—боголюбивымъ пустыннаго Боровскаго скита, усерднымъ молебнаго Пречистыя Богоматери дома строителемъ: Иосифу Григорьевичу, Григорію Ивановичу, со всѣми единоревнителн». Изъ подписи къ этому посланію видно, что оно было составлено Андреемъ Денисовымъ и подписано «22 іюня». Второе посланіе имѣетъ надпись: «Отъ Воздвиженскія Лексы въ братство и во вся скиты». Въ концѣ «слова» есть подпись: «Вашего христороубнаго, всекраснаго торжества всеусердный сослужитель Андрей Денисовъ, вселюбезно вашему боголюбию кланяюся». Даты этихъ посланій обозначены въ припискѣ каждаго: въ одномъ «7227», въ другомъ «229».

Посланіе «на Боръ», т. е. въ Боровскій скитъ, или въ «Тихвинскій Боръ» было писано по поводу письма оттуда. «Строители» Боровскаго скита прислали на Выгъ просьбу, чтобы Андрей Денисовъ прибылъ къ нимъ на праздникъ обновленія «храма» Богоматери. Занятый своими дѣлами, Денисовъ

⁴³) Рукоп. Румянцевскаго музея, № 2552, лл. 176—178.

не могъ исполнить полученную просьбу. Поэтому онъ отвѣтилъ посланіемъ въ Тихвинскій Боръ. «Нужда намъ,—писаль Денисовъ,—единоусердно тако сотворити: вамъ велерачительно тамо, а намъ усердно здѣ въ праздникъ Ея, Божія Матери, аще мѣстомъ и тѣломъ разнo, но единоусерднымъ велерачительствомъ едину Пресвятѣйшую Царицу, едину христіанскую Заступницу всеторжественно молити и праздновати. Елико же можемъ, отъ крылошскихъ служителей съ общежительства на обновленіе молитвеннаго храма Богоматери отпустить усердствуемъ». Давая такое обѣщаніе, Денисовъ приглашалъ боровцевъ: «принесемъ дары благоуханны, дары свѣтлосіяющи во украшеніе храма: дѣвственницы непреложно дѣвство, вдовствующіе чистолюбно цѣломудріе, вси богообѣщніи пустынно-родніи пустыннолюбную чистоту, молитвы прилежны, воздержаніе честно, смиреніе хриstopодражательно, любовь неліцемерну, братолюбіе не лестно, милостыню благоуханну» ⁴⁴).

Второе посланіе, отправленное съ Лексы въ Выговскую пустынь и «во вся скиты», представляетъ «Рѣчь, на Святую Пасху». Сначала Денисовъ характеризовалъ значеніе пасхальнаго торжества. «О, преславныхъ чудесь! О, всякъ умъ превосходящихъ вещей! Возримъ мало къ таинству и узримъ: како адскія темницы испровергошася! како преисподняя мучительства низложишася! како горькая смерть умертвися! како адскій мучитель связася! како мучительніи діаволи заключишася! И се изъ юзилица праотцы востекоша. Се праведніи изъ темницъ адскихъ избыша. Се полцы правовѣрныхъ изъ смертныхъ дверей воздвигнушася. Се сомны предревнихъ боголюбивыхъ, изъ адскихъ челюстей избывше, возрадовашася. О, безчисленнаго твоего милосердія, Христе! Иже адовыми содержими бѣша узами къ невечернему свѣту всерадостно востекоша веселыми ногами, Пасху хваляше вѣчную. Паки рай отверзеся. Паки Едемъ даровася. Паки всекрасныя селенія наполнишася. Паки райскаго веселія праотцы сподобишася. Паки безчисленніи роди святыхъ въ прекрасную породу произведошася. Кто не возрадуется, яко рай отверзеся! Кто не возторжествуетъ, яко Вышній Іерусалимъ вѣрнымъ даровася! Кто не воспоетъ Воскресшаго, отъ ада избавившаго и небо

⁴⁴) Рукоп. Румянцевскаго музея (Ундольскаго) № 1252, лл. 229—231.

даровавшего! Кто не прославить смерть поправшаго и от мучительства свободившаго!»!

Изобразивъ значеніе пасхальнаго торжества, Денисовъ, въ заключеніе дѣлалъ приложеніе этого значенія къ себѣ и своимъ пасомымъ. «Убо и азъ, недостойный, вашему боголюбивыхъ христоразительному торжеству приобщаюся, и не сый съ вами телеснѣ, вселюбовное же съ вами сердце достизательнѣ,—вся вы, вѣрная чада церковная, цѣлую; вся христоразлюбивые любовно лобызаю; ко всѣмъ вопію, предъ всѣми возглашаю: Христось воскресе, радость наша! Христось воскресе. утѣшеніе наше! Христось воскресе, избавитель нашъ! И паки предъ всѣми приглашаю, проповѣдаю, и не молчу, возглашаю, и не таю. Аще и бѣсы ненавидятъ; аще и діаволи ярятся; аще и жидовскій сонмъ неистовствуетъ; но съ вами христоразлюбивыми, и вселюбезными подражатели немолчно вопію: во истину воскресе Христось! Тому слава во вѣки, аминь» ⁴⁵).

Большое участіе въ организаціи жизни Лексинской пустыни принималъ еще Выговскій «уставщикъ» Петръ Прокопьевъ. Поэтому въ «приговорѣ» 4 мая 1718 года Петръ Прокопьевъ, какъ мы видѣли, прямо назывался по имени. Намъ извѣстны два памятника, писанныя Петромъ Прокопьевымъ въ Лексинскую пустынь. Оба писаны уже незадолго до кончины Петра. Одно было адресовано всѣмъ насельникамъ Лексы, другое—двумъ сестрамъ Петра: Февроніи и Татьянѣ.

Въ первомъ посланіи читаемъ: «Честнаго и животворящаго креста въ общежителствѣ пребывающимъ и силою его сохраняемымъ... всѣмъ дѣвствующимъ постникамъ... вперившимъ умное свое око ко премірнымъ, дольняя же оставльшимъ, всѣмъ вкупѣ отъ большихъ до меньшихъ, отъ наставницъ и до послушныхъ, отъ юныхъ до престарѣлыхъ, воспѣвающимъ и поющимъ, чтущимъ и слушающимъ: грѣшной, и окаянной, и недостойный уставщикъ Петръ, молитвами вашими сохраняемый, всѣмъ вамъ многократно поклоняясь, падая до земли, челомъ бью».

Извѣщая, что чувствуетъ приближеніе смерти, Петръ просилъ у всѣхъ прощенія, говоря, что если кому когда онъ и досадилъ, то все дѣлалъ всегда «ради пользы и спасенія»

⁴⁵) Рукоп. Румянцевскаго музея (Ундольскаго) № 1252, лл. 203—205 обор.

всѣхъ. «Аще ли же что отъ дерзости и неразумнаго, и чрезъ мѣру прилучися, и въ томъ прощенія прошу, и припадаю къ вамъ симъ моимъ малымъ рукописаніемъ: даруйте ми милости, ради Божія милости, и простите мя окаяннаго, во всемъ дерзкаго и неразумнаго; и помозите мнѣ нынѣ въ настоящей сей нуждѣ, въ разлученіи унылыя моя души отъ страстнаго ми тѣла. Помолитесь прилежно ко Господу Богу нашему, Владыцѣ Христу, да помилуетъ мя; да послетъ ангеловъ мирныхъ, хранителей и наставниковъ, соблюдающихъ отъ враговъ лютыхъ и немилостивыхъ бѣсовъ; да проводитъ мя безъ пакости лютыя истязанія ихъ; да наставитъ мя въ мѣста покойна... Ей, молю васъ, припадаю вамъ, да помолитесь о моей окаянной души, да даруетъ ми послѣднюю сію милость. Егда бо азъ и въ жизни сей пребывахъ, молитвами вашими покрываемъ, хранимъ бывахъ отъ всякихъ бѣдъ и напастей. Нынѣ же паче потреба помощи, и покрова, и заступленія, въ дальній сей путь ми идущу, въ незнаемую страну ми входящу, идѣже пойду — и къ вамъ уже не возвращуся, идѣже не вѣмъ — что ми прилучится. Нынѣ помозите, нынѣ поспѣшите, знаеміи мои и возлюбленніи».

Чтобы сильнѣе расположить къ себѣ Лексинскихъ сельницъ, Петръ вспоминалъ недавнее прожитое. «Помяните, яко вся лѣта житія моего съ вами изжихъ, и дни юности моя и средовѣчія съ вами скончахъ. Не восхотѣхъ разлучитися отъ содружія вашего, и сопребыванія, аще и скорьбми и папастыми, внѣшними и внутренними, сострѣляемъ, изволихъ вся претерпѣвати, до дне смерти моя, и дондеже гробъ мя приметъ. И сія глаголю не вознося, — не буди! Чимъ бо вознестися могу, понеже пусть быхъ всякаго блага; но помощи требуя въ нынѣшнюю годину, глаголю сія,—нужда бо моя велика постиже. Сего ради, молю васъ и припадаю вамъ: помолитесь о мнѣ, окаянномъ, и потрудитесь Господа ради въ молитвахъ вашихъ и поклонѣхъ... Помяните, егда вкупѣ совокупляхомся и бесѣдовахомъ о горькомъ семъ времени, и трепетной сей годинѣ: и се нынѣ мя постиже, и се нынѣ ко мнѣ приде. Помозите ми, Господа ради, помозите: помолитесь о мнѣ злосчастнѣмъ и окаянномъ, да милостива и щедра узрю благаго моего Бога же и Владыку, Его же прогнѣвахъ, Его же раздражихъ злыми моими дѣлы. И аще помилуетъ мя благодѣи Богъ милости своя ради, и за молитвы Пречистыя Матери своя, и вашихъ ради благопріятныхъ молитвъ, и изба-

вить мя отъ враговъ моихъ, и даетъ ми хотя мало мѣсто покоя: и тогда возрадуюся, и возвеселюся о Бозѣ, Спасѣ моемъ, поминая вашу любовь и милость ко мнѣ. Да дасть же намъ челоуѣколюбивый Владыка нашъ и Господь и въ будущемъ вѣцѣ, въ блаженной оной жизни, совокупитися во благихъ Его селеніяхъ, и сликовствовати вкупѣ, славяще Пречистую Троицу во вся безконечные вѣки, аминь» ⁴⁶).

Очевидно, Петръ Прокопьевъ сильно желалъ, чтобы заупокойныя молитвы о немъ возносились именно въ Лексинской пустыни. Еще подробнѣе писаніе Петра на имя сестеръ своихъ Февроніи и Татьяны.

«Возлюбленнымъ моимъ сестрамъ: единоутробной и единокровной Февроніи Прокопьевнѣ, и единоотечной, аще и нединоутробнѣй, Татьянѣ Прокопьевнѣ,—братъ вашъ по плоти, азъ худый, и непотребный, и грѣшный, и окаянный Петръ, извѣстно творю»: такъ начиналъ свое посланіе Петръ Прокопьевъ.

Первое, о чемъ извѣщаль Петръ, это—то, что онъ приближается къ смерти. «Се убо праведными судьбами Господа Бога моего зѣло скорблю, и изнемогаю, и болѣзную; и сила моя плотская, и крѣпость во мнѣ до конца оскудѣ; и ничтоже ино ожидаю, точію въ путь отецъ моихъ поити, и смертную чашу испити, горькую и болѣзненную. Васъ же оставляю въ помощь и сохраненіе Господу Богу... и стрывомъ нашимъ по плоти съ сестрою ихъ возлюбленною, нашею теткою,—дядѣ моему и отцу Андрею Денисьевичу, и Семену Денисьевичу, и Соломоніи Денисьевнѣ: къ нимъ же всякое повиновеніе, и благоразуміе, и послушаніе всегда имѣйте во всемъ, дондеже дасть вамъ Господь Богъ жити на семь свѣтѣ, и отнюдь никакоже отлучайтесь отъ нихъ, но всѣмъ сердцемъ, и душою, и любовію прилежите къ нимъ».

Затѣмъ Петръ Прокопьевъ давалъ своимъ сестрамъ разныя наставленія, излагая все это очень подробно. Мы коснемся здѣсь этихъ наставленій лишь кратко. Такъ, Петръ поучалъ, что, сохраняя себя во всемъ, должно любить тѣлесную чистоту, должно любить постъ. «Аще плоть неможетъ и скорбить отъ подвига, тогда душа здравствуетъ; лучше плоти болѣти, а не

⁴⁶) Рукоп. Румянцевскаго музея, № 2552, лл. 172—173 обор.

душѣ». Потомъ Петръ обращалъ вниманіе на подвигъ смиренія. «Держите же ся смиренія истиннаго, умнаго и сердечнаго, всѣхъ худши себѣ помышляюще; и никто васъ не оскорбитъ, егда сами себе начнете оскорбляти, и себе хуже всѣхъ вмѣяти. Тогда всѣ васъ почитати будутъ, и отъ Бога не будете унижены». Чтобы устранить всякій поводъ къ столкновеніямъ съ другими, по мнѣнію Петра, не должно брать на себя чинъ учительства. «Не ваше дѣло есть кого исправляти и наказывать... отнюдь не досаждайте никому ничѣмъ... Помните, яко и за всякое слово праздное отвѣтъ дати Богу будемъ».

Особое наставленіе давалъ Петръ относительно сохраненія цѣломудрія. «Отъ мужескаго пола, паче отъ чужихъ, всячески удаляйтесь, и зрѣнія ихъ и бесѣдованія, яко отъ пламени, и безъ великой нужды отнюдь съ чужими да не обрящетесь въ бесѣдѣ каковой. Аще и нѣкая нужда будетъ, и то не наединѣ, но съ иными, ту сущими, покрывая свое лице опасно, да не видѣно будетъ. А наединѣ отнюдь да не обрящетесь съ кѣмъ, аще и разумни мнятся быти, аще и учителя нѣціи. Велико опасеніе о семъ стяжите во вся дни живота вашего. Да не корабль вашего цѣломудрія проутлится и погруженъ будетъ въ страстной житія сего пучинѣ». И не только мужчинъ должно остерегаться. «И другинъ неполезныхъ, и плотское мудрованіе имущихъ, удаляйтесь, и словесъ душевредныхъ, и озязаній страстныхъ съ ними блюдитесь: многокозненъ бо есть и многоковаренъ врагъ нашъ. Егда кого собою уловити не возможетъ, тогда своими сосуды прельщаетъ, и всячески оскверняетъ, и въ прогнѣваніе святаго Бога насъ приводитъ, и хранителя нашего отгоняетъ отъ насъ».

Замѣчая, что приближается часъ смерти, Петръ Прокопьевъ говорилъ, что его по этому поводу «стѣсняють двѣ печали». «Едина сія есть: да како возмогу преити лютая воздушная мытарства — увы! — тонкая и жестокая ихъ истязанія; и како возмогу исторгнутися отъ ногтей ихъ острыхъ и крѣпкихъ; и какъ узрю Страшнаго Судію, благаго моего Бога же и Владыку, Его же прогнѣвахъ; и како осужденія могу избѣжати, и получитьи мало мѣсто покоя. Вторая же: да како васъ оставлю здѣ плавати въ широцѣй сей житейстѣй пучинѣ, въ треволненіяхъ сихъ не океанскихъ, но адскихъ, преглубокихъ сихъ и злослютныхъ, многопрелестныхъ и многообразныхъ? Увы мнѣ, горе мнѣ, лють мнѣ! Какое восплачу? како возрыдаю? кого помощника призову? кому васъ оставлю? кому прикажу? кто

вамъ поможетъ? кто васъ накажетъ? кто утѣшитъ васъ въ скорбѣхъ и напастѣхъ? кто спасенію вашему споспѣшитъ? кто хранитель дѣвству и чистотѣ вашей будетъ? кого присмотрителя и вашимъ печалѣмъ сообщника оставлю? Точію Того самаго Христа, Бога нашего, и рождшую Госпожу нашу и Владычицу, хранительницу и помощницу во всѣхъ напастѣхъ и скорбѣхъ. Къ Той прибѣгайте всегда, у той помощи просите».

Въ заключеніе Петръ Прокопьевъ еще разъ вспоминалъ о себѣ и просилъ молиться за него. «Пролейте же слезы своя теплыя ко Пречистѣй и Препоблагословеннѣй Владычицѣ нашей Богородицѣ, да предстанетъ ми, и поможетъ, и избавитъ мя отъ сихъ лютыхъ, и немилостивыхъ истязателей, хотящихъ убогую мою душу въ бездну погибели низринуть; да не отринетъ мои худыя и студеныя молитвы; да вспомнитъ мое моленіе о семь времени горькомъ... Въ самый же той часъ исхода души моя окаянныя прилежнѣйше мольбу прострите, и иныхъ умолите молиться помощіи ми, самое то нужное время, требующее помощи. И въ той день отшествія моего отъ васъ, и во второй, и въ третій паче, въ девятый же и четыредесятый, потрудитесь во псалмѣхъ и поклонѣхъ, и панахиды обычныя, въ подобающіе дни, и во вся 40 дней поминовеніе и молитву потщитесь совершити о убожѣй душѣ моей, да милостивый Богъ и всещедрый изліяетъ свою милость, проститъ вся моя беззаконія, яже къ Нему согрѣшихъ вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ, въ словѣ, и дѣлѣ, и помышленіи, и учинитъ душу мою на мѣстѣ веселія, и прохлажденія, со избранными своими»⁴⁷⁾).

Изложенныя наставленія Петра Прокопьева вполне подтверждаютъ извѣстную мысль, что самымъ труднымъ для разрѣшенія и проведенія въ жизнь вопросомъ для поморскаго раскола былъ вопросъ о бракѣ и безбрачій. Требуя отъ всѣхъ членовъ своей общины жизни строго дѣвственной, поморскій расколъ на каждомъ шагу встрѣчался съ нарушеніемъ этого правила. Выговское мужское и Лексинское женское общежитія были основаны и организованы на началахъ чисто монастырскихъ. Слѣдовательно, дѣвственная жизнь была безусловно обязательною для всѣхъ членовъ этихъ общежитій. И однако нарушенія дѣвственности здѣсь были такъ часты и такъ обычны,

⁴⁷⁾ Рукоп. Румянцевскаго музея, № 2552, лл. 151—160, ср. Рукоп. И. П. Б. Q. XVII. лл. 195—200.

что о нихъ никогда нельзя было забывать. Отсюда постоянныя указанія на этотъ счетъ въ Выговскихъ и Лексинскихъ «правилахъ», постоянныя напоминанія и наставленія и въ частныхъ посланіяхъ на Выгъ и Лексу. Жители Выга и Лексы, по имени «иноки» и «инокини», не были таковыми по своимъ убѣжденіямъ. Здѣсь поселялись лица, совсѣмъ не чувствовавшія расположенія къ монашеской жизни. А между тѣмъ, требуя отъ всѣхъ послѣдователей раскола проводить жизнь безбрачную, доктрина поморцевъ проповѣдывала, что лишь безбрачная жизнь отвѣчаетъ условіямъ переживаемого времени, когда истиннаго священства на землѣ нѣтъ и заключать законный бракъ некому. Столкновениями требованій этой доктрины съ проявленіями жизни и вызывались наставленія, подобныя тѣмъ, какія встрѣчаемъ въ посланіяхъ на Лексу Петра Прокопьева.

Намъ извѣстно еще привѣственное поздравленіе на Лексу—Соломоніи Денисовой по случаю дня ея рожденія. Писано оно какимъ-то «недостойнымъ» 2. 4—ымъ и относится къ 1729 году. Соломонія проходила на Лексѣ разныя «службы», начиная съ «уставщика». Въ данномъ «поздравленіи» она именуется «киновіархомъ» и «эклісіархомъ», «почтительнѣйшею госпожею», «ея превосходительствомъ».

«Азь, убогій,—говоритъ авторь,—аще видѣніемъ — за недостойнство мое—видѣти и не сподобихся, но обаче слухомъ моимъ во всѣхъ сихъ благопробывательну тя слышу. И того ради веселымъ веселіемъ сердце мое веселю, яко ты отъ всечестнѣйшаго дѣвическаго постническаго лика кановіархъ въ толико пречестнѣйшемъ благополучіи день рожденія твоего видѣти сподобилася еси... Бѣгутъ къ тебѣ сестры, яко птицы къ морю; спѣшатся старцы, яко елень къ источнику; влекутся старицы, яко лозіе къ оплоту; предстоятъ предъ лицомъ твоимъ искренніи твои, яко свѣщи предъ одромъ; вси, яко братстія, тако окрестніи жителіе весьма о здравіи твоємъ плещуть, вси радостная вопіють, вси торжественная восклицають... Радуется новосозданная Крестная обитель... веселится молитвенный Воздвиженія храмъ... смѣются новосозданніи молчальницы... торжествуютъ настоятели... веселятся иноцы... ликують старцы... тимпанствуютъ церковніи клирокини... играютъ соборніи дѣвы... веселятся послушницы... не чуютъ скорбей своихъ больничніи... радуются сердоболи... веселятся сродницы, ли-

кують туземцы, скачуть въ веселіи знаеміи, яко красота, слава, удобреніе, и веселіе... благопробывательствомъ сіяеть». Даже «сладостно шумять вся Вигорѣцкой пустыни дровіе, веселіемъ плещуть рѣки, радостію волнуются озера, цвѣтоносіемъ блистають дубравы, тихостію юхають междорамія, яко тебѣ, толико добродѣтельную постницу, въ своихъ нѣдрахъ стяжати сподобишася, и вси въ почтенномъ тогда рожденіемъ твоимъ торжествѣ обрадованно послаша, и нынѣ въ настоящемъ твоємъ благополучіи весело шумять».

Присоединяясь къ такому торжеству, авторъ писалъ привѣтствіе и съ своей стороны. «Что же азъ, всенижайшій, къ толико тебѣ высочайшей Крестнаго дѣвическаго совокупленія киновіархѣ, церковнаго же онаго всеразсудительнѣйшій епископъ, о томъ преславномъ рожденія твоего торжествованіи вѣдати начну? Ибо желаніемъ моимъ весь разгораюся къ высокому твоему превосходительству; недостойнство же мое связуетъ ми ногу непоступку до перваго степени». Избѣгая, многословія, по словамъ автора, онъ «любовію, вѣрою и говѣніемъ цвѣтущее сердца» своего «усердіе представляетъ днесъ чрезъ сіе, начертанное предъ почительнѣйшею персоною» Соломоніи. «Благоволи же, всепочтеннѣйшая госпоже, почтеннаго ради рожденіемъ твоимъ дне, милостиво пріяти сіе рабское кратчайшее начертаніе»...

Въ концѣ привѣтствія авторъ жаловался на то, что Соломонія прекратила съ нимъ всякую переписку. «Нынѣ же,—о, моя бѣды!—не вижу отъ тебе,—о, моя госпоже! — никогда же толикихъ ко мнѣ теплоувѣщательныхъ сладчайшихъ привѣтствованій и всеполезнѣйшихъ бесѣдъ и наказаній. И убо не просто жалость твоя отъ моего невѣжества отыде... Тѣмъ же прошу веепокорно ваше премноее милосердіе, о, многомиловая утроба: да благоволишь ваше высочайшее щедротство помиловати недостатки моя своимъ милосердіемъ и удостоити мя въ первое жалости твоея наслѣдіе. Готовъ бо есмь отселѣ сердцемъ моимъ повиноватися заповѣданіямъ твоимъ, тая бо мя ко Христу ведутъ. Всерадостнаго же ради здравія твоего, въ тезоименитомъ ти дни полученнаго, не возгнушайся пріяти убожества моего внутрь сердца твоего, и неусрамися поношенія моего, наложеннаго на мнѣ гнусными дѣлы моими, поминая реченное: друга заступати не срамися, и отъ лица его не скрывайся»⁴⁸).

⁴⁸) Рук. И. П. В. Q. XVII, 48, лл. 67—72.

Изъ даннаго посланія видно, что Соломонія Денисова пользовалась большимъ почтеніемъ въ Поморскихъ скитахъ и прежде всего въ Выговской пустыни, и нуждавшіеся въ ея помощи всегда старались всячески заискивать ея расположеніе.

П. Смирновъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки